

А.Ю. МЕЛЬНИКОВ

*Моей бабушке
Антонине Николаевне Козловой*

ИХ ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Москва
*Российская объединенная
демократическая партия
«ЯБЛОКО»*
2012

УДК 323.2
ББК 65.9 (2Рос)
М 48

М 48 **Мельников А.Ю.**

Их звездный час. – М.: Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО», 2012. – 160 с.
ISBN 978 -5-85961-079-6

Книга «Их звездный час» содержит статьи Алексея Мельникова, опубликованные в последние годы в ведущих электронных СМИ России. Известный публицист ярко и интересно пишет на самые злободневные политические и экономические темы современной жизни России.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Редактор Ю.А. Здоровов
Художник О.Б. Филиппова

ISBN 978 -5-85961-079-6

© Мельников А.Ю., 2012
© Филиппова О.Б., художественное оформление, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Зачем читать то, что пишет Алексей Мельников? Андрей Космынин 7

От болота к Болотной

Знаменосцы эмиграции	11
Гей, россияне!	15
Фронтмены движухи	19
Партия протестного дивана	24
Народный фронтовик Столыпин	28
Плиточник вместо пасечника	32
Тропами озлобления	36
Похмелье после Prokhorov's party	42
От демократии к свободе	47
Пробуждение масс	51
Закат гаснущей луны	56
Их звездный час	60
Огонь по штабам	64
Убить НТВ	69
Отлучение от государства	73
От триколора до белой ленты	77
Страх и воля открытых пространств	82
Принцесса народного восстания	86

Выстрел из прошлого

Бой после победы	89
----------------------------	----

Утерянные победы	93
Экономические тупики	
Юбилейные рельсы	99
Смените пластинку	104
Продажные девки госкапитализма	109
Клан на клан	114
Стоп-сигнал для казнокрада	118
Костыли для инвестиций	123
Прощай, приватизация!	127
Два рудокопа	132
Об одном из возможных доходных источников Пенсионного фонда	136
Квест путинской экономики	139
In Memoriam	
Ия Саввина	145
Потертый плач и куколка, ставшая бабочкой	146
«Шантрапа» Иоселиани	148
Она не Марковна	150
ROMA	151
Улицы детства	153
Осенний холодок	155
Радость ушедшего	157

**ПРЕДИСЛОВИЕ.
ЗАЧЕМ ЧИТАТЬ ТО,
ЧТО ПИШЕТ АЛЕКСЕЙ МЕЛЬНИКОВ?**

Во-первых, для удовольствия. Мельниковский русский язык живой и живительный. Он позволяет точно передавать впечатление и создавать яркие образы. Тонко чувствуя и внимательно наблюдая, автор делится важными для него ощущениями во всей полноте, как 4-D-кинематографе. О чем бы он ни говорил – о политике, экономике, кино, погоде во дворе, все осязаемо, выпукло. Дотронься и поймешь. А еще он умеет останавливать обычно мимолетные моменты, из которых ткуются такие вещи, как настроение, радость, грусть и, возможно, счастье. Так что и разговор об ушедших («In memoriam»), не теряя пронзительности, становится светлым и теплым, и совсем не о потерянном – о вечном.

Все это тем более здорово, что автор молод, занимается политикой, публикуется в сети, участвует в сетевых дискуссиях и вообще в полной мере включен в жизненную повседневность.

Даже «политические» статьи Мельникова, в отличие от советских газет, можно и нужно читать перед обедом. Второй резон почему – из-за доброго оптимизма. Он как прохладный бокал живого, играющего пузырьками... да нет, не шампанского, а хорошего сидра – вещи простой, но такой в своей простоте древней и мудрой, что иногда больше

ничего и не надо, чтобы начать улыбаться, глядя на мир. Сидр, кстати, это лишь первое, что мне пришло в голову, а так, может быть и молодое вино, и даже квас в жаркий день, только настоящий, не из пластиковой бутылки...

Потом, пообедав и поразмыслив, начинаешь с чем-то соглашаться, с чем-то – нет, а про оптимизм судить японскими строчками:

*Уж осени конец
А он все верит в будущие дни
Зеленый мандарин.*

Но это потом, а пока – читаешь, и хорошо. Он ведь даже про то, что «с Россией все настолько плохо, насколько это только можно себе представить» пишет с отчетливым ощущением надежды и не на «deus ex machina», провидение или «авось», а на здравый смысл соотечественников. Он в нас верит. Такое послевкусие.

То, про что читаешь, тоже важно. Секрет мельниковского содержания в том, что каждая его статья, заметка, реплика – приглашение к разговору. С ним начинаешь спорить, мерять глубину тезисов, подбирать аргументы, а ему только того и надо. Он разбудил мысль, да не просто бросив парадоксальную или провокационную фразу, а предложив свой взгляд на мир и то, чем он живет. И глобальный мир, и русский, и московский, и политика, и экономика, и искусство – для него это все едино, переплетено неразрывными веточками, а также переплетенными корешками уходит в историю, вглубь, до античности, которая тоже живая.

Отдельный разговор – история войны. Тут лишь один, зато настоящий совет – читайте. Уже не Мельникова, а то, что он цитирует, на что ссылается, и то, что не цитирует и на что не ссылается – тоже. Только так можно спорить с Мельниковым на этой территории. Читать, конечно, нужно не только для того, чтобы спорить с Мельниковым. Я думаю, сейчас в нашей стране такое время, что жизненно необходимо знание истории не в штампах, мифах и текстах учебников, а в документах, фактах, судьбах, конкретно-исторических исследованиях. Стоя на этой «земле», можно что-то понять про будущее. Но это отступление, а нам важно, что статьи Алексея Мельникова могут стать отправной точкой для расширения круга чтения, круга мыслей, вообще всего того круга, который и есть жизнь.

Это третий резон.

Андрей Космынин

ОТ СОННОГО БОЛОТА К БОЛОТНОЙ ПЛОЩАДИ

ЗНАМЕНОСЦЫ ЭМИГРАЦИИ

Космополитизм может стать главным трендом наступившего десятилетия. Счастья за пределами родины ищут как богатые и успешные, так и просто обыватели, уставшие от казенного воровства, коррупции и лжи.

Знаменосец российской сборной на летней Олимпиаде в Пекине баскетболист Андрей Кириленко на днях стал гражданином Соединенных Штатов. Это, пожалуй, самый яркий символ ушедших нулевых, итог десятилетия вертикализации и чиновной модернизации. Немилый триколор взят в чехол, над головой победный звездно-полосатый.

Самые успешные российские граждане все чаще не желают связывать свое личное и семейное будущее со страной, в которой правят даже и не персоны, а системное воровство, властное хамство, бесправие и возведенное в норму лицемерие.

И не просто правит, а пронизывает собой, словно раковая опухоль, ткань разлагающегося социума. Если это и не навечно, до окончательного развала, то в лучшем случае жизни человеческой не хватит, чтобы добиться здесь перемен. Если отвлечься от обычного для нашей страны желания пустить пыль в глаза, таково, пожалуй, общероссийское настроение.

Поэт Наум Коржавин однажды заметил, что ситуация, когда человек стал гражданином другой страны и при этом имеет возможность в любой момент посетить родину, это вовсе не эмиграция. В этих словах много правды. Интернет

и Его Величество Скайп – отъявленный враг компаний мобильной связи – ежедневно готовы приближать оставленную Родину на расстояние глаз. Поэтому люди, которые голосуют против современного российского феодализма ногами, отечество не покидают. Это не эмиграция из страны, это побег от системы.

Пожалуй, новая национальная русская идея, которую идеологи так долго пытались сформулировать в ходе разгульных нулевых, сама собой обозначилась в толще народной. Эдакого хитроватого мужичка, который себе на уме. Он, может быть, и пьет пиво до одурения, и кричит на футболе «Вперед, Рассея!», но хорошо знает цену вертикальщикам. Это идея отчуждения от бесконечных свиных рыл и лисьих морд во власти, идея освобождения от них здесь и сейчас, в этой жизни. Как минимум – в качестве отстранения от официозной политики, как максимум – идея отъезда. По крайней мере, отъезда детей из страны, где власти, словно ошалевшая собака, мотающая в пыли требуху, все никак не могут распрощаться с призывным рабством, переведя армию на контракт.

Быть может, сторонник политического действия поставит в упрек этим людям нежелание добиваться политических перемен в России. Но, во всяком случае, он же может отметить, что фундамент современного российского феодализма – это не бетон, а зыбкий, движущийся песок. И мобилизовать таких граждан, построив их повзводно и поротно очень сложно.

Каким бы странным это ни показалось на первый взгляд, новый русский космополитизм носит всеобщий характер в ином отношении. Верны ему и члены коррумпированной

российской власти. Что видно из их стремления создавать себе и своим семьям на Западе острова стабильности, куда можно было бы при случае направить бодрящий бег смазанных народными протестами лыж. Правда, как показывают события в Тунисе, хитроумные западные державы, всегда готовые строить свои отношения с диктаторскими режимами на основе «реальной политики», могут быстро принимать решения о замораживании счетов бывших правителей.

Другой национальный пример – это бывший всесильный московский мэр и российский патриот Ю.М. Лужков, ныне пилигрим по Европе в поисках страны, готовой дать ему вид на жительство. Счетов еще не арестовывают, но нос от постоянного присутствия на своей территории уже воротят.

Однако все это трудности реализации правящей феодальной группировкой своего космополитического статуса, который, как показывает опыт, для этой группы граждан возможен только как приложение к их сохранению в российской власти. Само же стремление к благоустроенным берегам для этих лиц есть такая же мечта, как и для обычных российских людей, которых тошнит от практической реализации идеи «вставания с колен». Только авторы идеи устали от вставания, а остальные от наблюдения за процессом.

Затруднительно, между прочим, указать на тех лиц, кто всерьез отстаивал бы нынешнюю российскую вертикальщину по убеждению, а не по зарплате. В начале нулевых такие люди, безусловно, были. Но опыт – лучший учитель. Верно, и сами вертикальщики, материально заинтересованные в сохранении нынешнего положения, хорошо понимают теперь, что у этой системы нет будущего.

В некотором смысле, конечно, космополитизм есть веяние времени в эпоху глобализации социальных связей. Переезды людей из страны в страну нормальны. И нет ничего удивительного в том, что кто-то желает поселиться там, где он много лет проработал и где у него есть устойчивые перспективы. Но российский подход к этому явлению, отечественная струя отличается указанным выше своеобразием и образует собой с точки зрения будущего страны чистый вычет.

Если страну покидают граждане, отличающиеся способностью устроиться и пробыть на чужбине, то какое может быть следствие для будущего страны от оттока таких активных сил?

Вопрос риторический. Верно, это понимают и властные космополиты, пытающиеся решить проблему на свой манер – созданием сколковского оазиса. Это как бы «шарашка» на новый, коммерческий лад – островок развития на фоне всеобщей апатии. То есть сделать все, чтобы сохранить существующую систему, подставив под нее костыли сколковской модернизации или же какие-нибудь центры арктических технологий ВР и «Роснефти». Призрачные оазисы во все более становящейся призраком стране.

И вряд ли можно осуждать тех, кто, принимая часто непростые решения, стремится выбраться из этого Кощеева царства. Предпочитая бытию рабов системы тяжелое, но гордое и победное, как всякая свобода, знамя эмиграции.

Газета.ру, 27 января 2011 года

Специфическое отношение к сексуальным меньшинствам – частный случай распространенной в России привычки обсуждать частную жизнь граждан.

«Секса у нас, слава богу, нет» – гласил известный перестроечный тезис, поднявшийся из глубин советского целомудрия. В прошедшие двадцать лет последовательно выяснялось, что секс все-таки есть, его слишком много на телевидении и в интернете, наконец, иногда он «не в ту сторону» направлен. Приданию сексу правильного направления, верно, и служат регулярно разгоняемые акции представителей нетрадиционной ориентации. Между тем вмешательство в то, что является частным делом каждого человека, хорошо говорит о том, насколько далеко нашей стране до свободного общества.

Многие борцы «против извращений» и за «нравственность» утверждают, что они не против однополых сексуальных связей, они лишь выступают против «пропаганды гомосексуализма», его «агрессии», к которой они относят гей-парады.

Рассуждают по аналогии: раз военные парады пропагандируют патриотизм, то, значит, гей-парады несут в массы гомосексуализм.

Однако именно установка считать часть своих соотечественников «извращенцами» и лицами, «навязывающими России чуждый ей образ жизни», питает стремление дока-

зывать, что эти люди такие же, как и все остальные. Гей-парады – это ведь вывернутая наизнанку нетерпимость. Вы не желаете признавать, что мы есть? Вот вам ответ под радужным флагом. и можно смело утверждать, что, когда российское общество научится относиться ко всем людям просто как к людям, не дискриминируя их наклейками вроде «лица нетрадиционной ориентации», гей-парады если и не прекратятся вовсе, то превратятся в то, чем они являются в западных странах, – веселые карнавалы вроде бразильского.

Чего, в сущности, желают представители сообщества, загоняемого российским общественным мнением и властями в гетто? Всего лишь отношения к себе как к обычным людям и равенства гражданских прав. Но если достижение первого – это процесс, вероятно, достаточно длительный, то второе можно сделать уже сегодня. Что потеряют граждане нашей страны, если части их соотечественников разрешено будет заключать браки, передавать имущество по наследству своим супругам и брать на воспитание детей? Какие такие неудобства произрастут из того, что эти, по сути, частные установления будут легализованы в России?

Абсурдно говорить людям, которые желали бы гражданского равенства, что-то вроде следующего: «у нас ночные гей-клубы легальны», «никто вас не преследует».

Между прочим, выравнивание гражданских прав явится толчком к изменению общественного сознания, к пониманию того, что другой – еще не значит чужой. Поэтому властям нет нужды ожидать, пока общественность в ходе своей эволюции дорастет до тех или иных истин. Необходимые законодательные предложения правильно вносить уже се-

годня, не страдая хихикающей детской стыдливостью, усвоенной в советской школе, и не обращать внимания на разговоры о том, что «есть более важные проблемы».

Специфическое отношение к «сексуальным меньшинствам» – частный случай распространенной в России привычки обсуждать частную жизнь граждан. Советское наследие, в соответствии с которым каждому и до всего есть дело, позволяет бесцеремонно, плохо вымытыми руками копаться в том, чего, по просвещенному разумению, и касаться не следует. Такой подход для современной России является, по сути, нормой. Он культивируется телевидением и желтыми газетами. и неважно, что именно служит предметом внимания нескромных людей. Кого-то, например, не устраивает ислам, молитвы «задами кверху» и строительство мечетей в Москве, другие терпеть не могут православных. Говоря словами преследуемого прокуратурой поэта Емелина: «Что за мать породила их? Развелись там и тут. Всюду машут кадылами, бородами трясут».

Российские сторонники надуманной «нравственности» напоминают чем-то римлян эпохи империи, полагавших, по словам одного историка, что «народ Рима своим упорством, волей, стойкостью и дисциплиной выковал великую империю». а вот греческое искусство в случае поклонения ему «разрушит истинный дух Рима, превратит нацию солдат в нацию трусов, гимнастов и педерастов». И совершенно неслучайно, по-видимому, российская нетерпимость к сексуальным меньшинствам соседствует с милитаризованной брутальностью. а также с представлением о том, что именно сапоги и потные портянки – главное благо для российского государства.

Сторонники такого подхода с ностальгией вспоминают времена, когда за «мужеложство» полагалось преследовать по уголовному закону, а «гомосеки сидели, как мыши, по своим углам».

Но жизнь, по-видимому, так устроена, что развивается она как целостность. И никуда этих граждан «нетрадиционной ориентации» из России не выставишь, в концлагерь не отправишь, Уголовным кодексом не удушишь. Поэтому если двигаться путем модернизации, то от темы предоставления равных прав всем гражданам нашего общества не уйти. Поздно или рано равноправия они добьются. Если это так, то, может быть, хотя бы раз в жизни нынешним властям стоит выйти из своей обычной невменяемости, быстро и эффективно решить вопрос. Вот в мире-то удивятся такой неожиданной адекватности.

Газета.ру, 30 мая 2011 года

С Россией все настолько плохо, насколько это можно себе представить, однако здоровое осознание этой истины большинством граждан может дать точку опоры и наконец сменить «движуху» на движение.

Используемый политтехнологами для имитации политической активности термин «движуха» лучше всего передает суть происходящего в российской политике накануне выборов Госдумы и президента. Переливы и шевеления политической биомассы заменяют собой публичную политику, основанную на противостоянии интересов и на столкновении ценностей.

Политическая система в целом совершенно обветшала и выродилась и все хуже выполняет даже установившуюся в середине и конце 90-х годов роль фасада, скрывающего свершившуюся приватизацию государства бюрократией и омертвление общества.

Власть фрагментирована, разобщена и не способна на действия, даже имея в виду отдаленные перспективы перемен, создания хотя бы предпосылок для будущего здорового существования страны. Утверждение, что страна управляется из Кремля или, допустим, «Белого дома на набережной», является мифом.

Управлять и «контролировать финансовые потоки» – разные вещи. Выхода из создавшегося положения не видно.

Наш государственный корабль несется по морю с русским «авосем» вместо карты, с надеждой, что куда-нибудь

да доплывем. И давно уже девизы «спасайся, кто может» и «махни на все рукой» являются единственной жизненной философией большинства наших граждан, несмотря на тонны лицемерия, льющиеся из телевизора, интернета, газет и журналов. Ни дикторы, ни зрители во все это не верят. Исполняется какой-то странный ритуал, все участники которого понимают его пустоту. Очень все это напоминает шествие римских жрецов салиев, пронесивших раз в году с медным стуком по городу щиты бога Марса, «приплясывая и распевая древнюю песню, смысла которой давно никто не понимал».

В общем-то, российского общества и государства «Российская Федерация», пожалуй, уже и не существует. Если ничего не изменится, то только вопрос времени осознание широкими слоями граждан, что Россия является failed state – государством, не способным исполнять свои функции. В самом деле, в нашей стране мирно уживаются разговоры о военных реформах с коррупционными скандалами в армии, регулярно рвущимися складами боеприпасов и двадцать (!) лет тянущейся неспособностью отменить призывное рабство. Столь же мирно соседствуют открытые разоблачения невиданных богатств высоких государственных чиновников и продолжающееся их сидение на своих местах. Продолжается очевидная деградация здравоохранения и образования.

Приметой времени является шутка, что скоро МГУ имени Ломоносова переименуют в ПТУ имени Ломоносова. Такое впечатление, что разрушительные тенденции идут, не считаясь с усилиями, которые предпринимают власти.

Разбираться в сплетениях российской политики дело болезненно-тяжелое. Все равно что изучать мир психически больного человека. Как только не ругали свободные средства массовой информации «Народный фронт» В. Путина, но почему-то мало обратили внимания на другое схожее явление – «Объединенный гражданский фронт» Г. Каспарова, много лет «роющий окопы» в российской политике. Знаки и возможности разные, но суть одна – щегольнуть именем, взятым из непонятой истории, а затем разными технологиями «надувать» шарик, который живет ровно столько, насколько хватит «воздуха» – различного рода ресурсов. Из той же области заимствованных слов и бессмысленного содержания «солидарность» и «партия народной свободы». Или какие-нибудь мифические «народные ополченцы», измышленные лидером российских коммунистов Г. Зюгановым. Подобное совершенное сходство внутренней пустоты «радикальной оппозиции» и «власти чекистов» составляет примечательное явление российского политического ландшафта.

Единственным источником рационального поведения в России является, пожалуй, только частный бизнес. При всей условности частной собственности в России только работающий на конкурентных рынках бизнес совершенно вне зависимости от его владельцев обязан «быть в форме».

Стремление получить прибыль, оценить издержки, выстроить перспективы, если нужно, бежать в «тьму» – его черты. Но совершенно другая картина, конечно, в мире так называемых государственных компаний. Здесь, по существу, царство все той же «движухи».

Наверное, людям всегда по большей части хочется быть оптимистами. Но в случае с перспективами современной нам России для этого оптимизма, если вдуматься, нет решительно никаких оснований. В конце концов, мало ли было в истории государств, себя изживших? «И что же Рим? и где монголы? И, скрыв в груди предсмертный стон, кует бесильные крамолы, дрожа над бездной, Альбион». Почему уничтоженная в ходе социального эксперимента большевиков и формально «возрожденная» в начале 90-х Россия должна рассчитывать на какую-то счастливую судьбу? Какие для этого есть основания?

Огромные природные ресурсы, присвоенные небольшой группой лиц? «Вертикаль» как альтернатива либеральной демократии, о которой в начале десятых годов как-то неудобно даже и вспоминать? Или же воспеваемое славное прошлое, принадлежащее совершенно другим государственным системам, существовавшим на той же территории? В любом случае то, что предки в период создания московского государства, в смутные времена или расцвета империи оказывались на высоте задачи, еще ничего не гарантирует для современных измельчавших россиян, по большей части знающих историю из телевизионных комиксов. Подобное знание как раз и порождает тошнотворные «фронты», «ополчения» и «народные свободы».

Может быть, если граждане в нашей стране постараются снять паутину со своих глаз, трезво задумаются о своем бывшем, настоящем и будущем, а также о том, что ждет их детей и внуков в распадающейся России, ничего особенного и не произойдет. Возможно, что силы распада настолько заданы предыдущим ходом истории, что им невозможно противо-

стоять. Но, во всяком случае, если и существует общий выход, то он прежде всего в здоровом осознании той истины, что с Россией все настолько плохо, насколько это только можно себе представить. Если это со временем будет понято большинством граждан, то появится точка опоры. и «движуха», может быть, сменится движением.

Газета.ру, 23 июня 2011 года

ПАРТИЯ ПРОТЕСТНОГО ДИВАНА

Главное пожелание недовольных нынешним положением дел в стране россиян остается прежним – чтобы кто-то все волшебным образом поменял без всякого их участия.

Чем ближе декабрьские выборы в Госдуму России, тем больше вступает в права современная российская забава – мучительные раздумья о том, нужно ли ходить на выборы. «Мятущаяся интеллигенция среди народа» вместе с той частью народа, которая еще не уехала и которой пока не «все до лампочки», упорно ищет извращенные варианты, отличающиеся от естественного, свойственного западному миру голосования избирателей. Прагматизм и личные действия, как обычно, уступают место многочасовым шатаниям в интернете и поискам «философского камня» – голосовать не голосуя, менять положение дел в стране, ничего самому не совершая. Сдвинуть горы, не вставая с дивана. Или сожалеть о том, что с дивана невозможно сдвинуть горы. Между тем, нынешние российские граждане в не меньшей степени, чем «правлящий режим» или же политические партии, несут ответственность за то, что Россия до сих пор живет в ином по сравнению с западными странами измерении.

Власть административного абсолюта, столь же ленивого, неповоротливого, недалекого и вороватого, как и многие из ее подданных, находится в нашей стране на своем месте. Совершенно как отец среди своего семейства. Как Ноздрев среди своих любимых псов.

Своеобразный тип российского избирателя, который может быть охарактеризован как «политический инвалид», является преобладающим. Его характеризует лень, нежелание учиться на ошибках прошлого в сочетании с нездорово-томительным ожиданием момента, когда вдруг каким-то чудесным образом «во власть» снизойдет Некто, осветленный стремлением работать «во имя народа», и делает все «как нужно». Это все тот же привлекательный для русского сердца образ Обломова, тип глубоко национальный, никуда не ушедший. В противовес деятельному, толковому Штольцу.

«Обломовская» модель, опробованная на фамилии «Путин» в разгульные нулевые, должна была бы отучить граждан от подобного поведения. Но вместо того, чтобы видеть причину плачевного положения дел в управлении страной в своей собственной политической пассивности и непросвещенности, значительное число наших соотечественников упорно занято бесконечным тасованием карт с именами и партиями.

Все это сопровождается горестными припевами «не за кого голосовать», «голосуй, не голосуй», «все равно ничего не изменишь» и т. п. Кто-то ужасается тому, что предсказуемо не зарегистрировали ПАРНАС. Другие молятся на блогеров, занятых раскопками на сайтах госзакупок и защитой прав экономических меньшинств. Третий который год талдычат об «объединении» волков с овцами, а заодно и с баранами. Главное остается стабильным: хотим, чтобы все поменялось сразу и без нашего участия. Чтобы кто-то где-то нажал на разноцветные кнопки и процесс пошел, словно Емелины ведра по снегу.

Но поскольку жизнь поджигает, перемен все же хочется, то к декабрю 2011 года изобретаются разные политические поведенческие суррогаты. Кто-то рекомендует «бойкотировать выборы» (это в условиях отсутствия порога явки), другие предлагают «уносить бюллетени», третьи «исключить себя из списков избирателей», четвертые – прийти и поставить «крест напротив воровской власти».

Те, кто предлагает гражданам все же прийти на избирательные участки, делают полезное дело хотя бы в том отношении, что заставляют людей выйти из одури протеста на диване.

Про других же борцов «за гражданское достоинство» посредством пассивности и писем счастья в избиркомы даже говорить не стоит. Подобная отстраненность и чудаческие выходы – это как раз то, что российским властителям и нужно.

Между тем на декабрьских выборах в Госдуму России будет представлен широкий спектр политических сил страны. Это и разгульное настоящее в виде «Единой-Справедливой России», и тоскливое прошлое под современным именем КПРФ, и вечное хулиганское начало в виде ЛДПР, и коррумпированное частным бизнесом государство под именем «Правое дело», и ориентированное на западные ценности «Яблоко». Довольно живые альтернативы. Если отвлечься от личностей и партийных этикеток, переведя разговор на обсуждение здорового прагматического направления развития страны, то хочется спросить: вы чего хотите, граждане? Разваливаться, ностальгировать, хулиганить, воровать или учиться? Вот за это и голосуйте.

Отдельный вектор сознания российских политических инвалидов – это много лет гнетущая мысль о фальсификациях на российских выборах. Она трогательно соседствует

с бесконечными и бесплодными попытками гражданских политических партий привлечь граждан к контролю выборов на своих избирательных участках и провести параллельный подсчет голосов.

По закону участвующие в выборах партии могут выставить не только наблюдателей, но и включать в избирательные комиссии представителей своих партий. Казалось бы, хотите, граждане, чтобы на выборах было меньше фальсификаций? Идите работать в избирательную комиссию или наблюдателем. Раз уж вам так нужны честные выборы. Истратьте на это дело один день своей жизни. Внукам потом будете рассказывать, как хватали воров за руку. Немаловажно, что политические партии проводят обучение, тратят на контроль выборов средства. Но нет, это слишком просто и скучно, не для наших соотечественников. Главная проблема все та же: год за годом невозможно найти сколько-нибудь достаточное число людей, у которых совпали бы в голове две мысли – протест против фальсификации выборов и действительное желание противостоять фальсификациям на избирательных участках.

Обычно первая мысль упирается все в тот же «протестный» диван, а дальше сила ее влияния ослабевает.

«Разруха не в клозетах, а в головах» – говорил герой Михаила Булгакова. Похоже, что при характеристике состояния большого числа наших соотечественников накануне нового избирательного цикла эта мысль может считаться их гимном, флагом и сутью.

Газета.ру, 5 июля 2011 года

НАРОДНЫЙ ФРОНТОВИК СТОЛЫПИН

В преддверии выборов на фоне растущего разочарования граждан современными политическими деятелями власти ищут авторитетов в прошлом.

Юлий Цезарь на заре своей карьеры печалился, что не свершил того, чего достиг Александр Македонский. Наполеон Бонапарт в расцвете своего восхождения к европейскому могуществу вдохновлялся примером маршала Тюренна. Премьер Путин на закате своей административной системы ищет государственной мудрости и поддержки в сложной и противоречивой фигуре премьера Столыпина. Счастливого наступающего юбилей последнего дает возможность приспособить Петра Аркадьевича к «политическому моменту» – нуждам мифического «Народного фронта», осенив его авторитетом попытку продления бытия коррумпированной системы власти.

«Столыпинское» послание премьера российскому обществу направлено накануне избирательного цикла 2011–2012 годов, в период растущего неприятия гражданами тотальной российской коррупции и все более широкого осознания неправового характера российского государства.

Оно делается по итогам 12-летнего нахождения на вершине власти премьера Путина, неспособности созданной им системы модернизировать страну, поставить ее в ряд передовых государств мира. Центральная мысль послания проста: «Государство в виде власти и общество в виде общественных

институтов должны быть объединены общей ответственностью за страну».

Роли в этой «общей ответственности» распределены заранее. Сам премьер Путин и его опора – постсоветская номенклатура и ее коммерческие приложения, приватизировавшие государство, – будут заняты бесконтрольным правлением, останутся несменяемыми. И, в очередной раз назначив себя в 2011–2012 годах начальством, продолжают считать, что в России им всегда виднее, что делать. Задачей другой части российского народонаселения, значительно превосходящей по численности класс чиновного бизнеса, является безоговорочное подчинение любым начинаниям властей, согласие с растаскиванием на частные цели уплаченных обществом налогов, на обветшание всего и вся и в целом на продолжающееся сидение России на задворках мира.

Существенная часть этой «общей ответственности» – согласие граждан на тотальную ложь, которая сегодняшнее болючее бытие России прикрывает.

Но, между прочим, столыпинские крестьяне, выделявшиеся на отруба, строящие там хутора и создающие крепкое хозяйство, весьма отличны от тех экономических фигур, которым отдавал предпочтение Владимир Путин. Эта часть наследия Столыпина, говоря словами одного из авторов «Вех», публициста Изгоева, «столыпинские хуторяне», которыми можно было бы вдохновиться в начале «нулевых» лет, как раз накануне прошлого юбилея Петра Аркадьевича, не была востребована. Вместо созидания частной конкурентной экономики, постановки во главу угла независимых экономических агентов президент-премьер Путин нашел себе другую, кривоватую клюку-опору – укрепление так называемых

«государственных компаний», ведущих свой частный бизнес посредством общественных ресурсов. Итоги этого эксперимента плачевны, что признается самими властями.

Правление «нулевых лет» с их благоприятными экономическими условиями для ведения реформ и по существу бездельем властей во всем, что не касается личного обогащения, а значит, и дела вестернизации страны, заставляют вспомнить совсем не Столыпина, а другую историческую фигуру – Владимира Коковцова. Подводя итог его десятилетней деятельности на посту министра финансов, русский экономист Леонид Юровский писал в 1914 году: «...не найдется, должно быть, ни одного сколько-нибудь экономически грамотного человека, который стал бы связывать несколько высоких урожаев, бывших в последнее время, или происходивший промышленный подъем с какими-либо мероприятиями статс-секретаря Коковцова...» Если заменить слова «высокий урожай» на «высокие цены на нефть», а «статс-секретаря Коковцова» на «президента-премьера Путина», то получится совершенный портрет экономической политики прошлого десятилетия.

Дополнительные линии и краски к ценному Владимиром Путиным столыпинскому курсу добавляют слова другого российского реформатора Сергея Витте: «В своем беспутном управлении Столыпин не придерживался никаких принципов, он развратил Россию, окончательно развратил русскую администрацию, совершенно уничтожил самостоятельность суда; около себя в качестве министра юстиции он держал такого лицемерного и беспринципного человека, как Щегловитов. Столыпин развратил прессу, развратил многие слои общества, наконец, он развратил и уничтожил всякое достоинство Государственной думы, обратив ее в свой департамент». И опять

трудно не поддаться искушению, заменив фамилии, и получить, таким образом, портрет правления президента-премьера.

Неслучайно, между прочим, что деятельность реформатора Витте нашими властями сегодня не ставится в назидание российским гражданам. Дело здесь даже и не в содержании его политики, в которой при желании можно было бы найти родственные экономической политике «нулевых» черты. Дело в стиле – в том, что аморфной, беспомощной, безвольной, лживой, занятой личным обогащением и имитацией реформ сегодняшней власти претит, говоря словами академика Тарле, «основная черта Витте – жажда и, можно сказать, пафос деятельности». Это именно та черта, которая представлялась для многих наших соотечественников главной во Владимире Путине в конце 90-х – молодой, энергичный, думающий не о членах «семьи», а об общем деле, выходец не из элиты, а из народа.

Прошли годы, от этого образа не осталось почти ничего. а что же есть? Читающий что-то явно далекое от дела по бумажке премьер с опустошенным взглядом. Страдающая тяжелой одышкой и опирающаяся на нефтяную трубу разлагающаяся «вертикаль», бредущая неверной походкой к концу, показанному весенним крахом североафриканских режимов. Можно, конечно, воздвигнуть на краю этой дороги памятник Столыпину и даже назвать дорогу его именем. Будет стоять его мощная фигура, скрестивши на груди руки, смотреть строгим взглядом на сбивчивый шаг своих самозванных наследников. То ли с осуждением, то ли с недоумением, то ли с насмешкой.

Газета.ру, 18 июля 2011 года

ПЛИТОЧНИК ВМЕСТО ПАСЕЧНИКА

Радикальная пехота, отметившая победным докладным топотом и криками радости последние месяцы пребывания мэром Москвы Юрия Лужкова, в смущении. Проведенная в Москве операция «назначенец» привела к власти Сергея Собянина, продолжившего старую бюрократическую песню о главном – как выгоднее потратить миллиарды общественных денег в интересах независимой от граждан чиновной системы.

Модернизация по-московски в самом разгаре. Под жарким июльским солнцем в центре города бессмысленно крушится асфальт для замены его плиткой. Триада «пасека – кепка – «Интеко» ушла в историю. Ее место в политическом городском фольклоре заняла другая – «плитка – Папин Сибиряк – Ира-Бордюр». Все вернулось на круги свои с другими лицами и тем же содержанием. Придумать более яркого актуального примера бесполезности для граждан смены лиц при сохранении системы сложно.

И ведь эта дурная постсоветская бесконечность готова воспроизвестись на федеральном уровне. Трагикомические и одновременно бесстыдные сочинения на тему «Президент должен заявить о себе» и «Выбор есть» напоминают спор о том, какой ногой – правой или левой стоять все в том же периферийном, постсоветском болоте. Между тем, эта система, в своем ельцинском, путинском или медведевском одеянии доказала за двадцать лет властвования в России одно –

главная цель модернизации для нее – это сохранение в новых условиях себя самой. Со всей самобытной тотальной коррупцией, оболваниванием граждан с помощью телевидения, обманом и самообманом во всем. Это все тот же далекий от общества граждан замкнутый постсоветский кружок привилегий с патронами и клиентами. Состав его способен меняться, принципы отношений внутри и с обществом – нет. На шум и свет извне, будь то «оранжевая революция», «революция роз» или «список Магнитского», этот кружок испуганно щурится и нервно вздрагивает. Это люди в футляре.

Сегодня вместо обсуждения направления развития страны и честного разговора о тяжести положения гражданам опять предлагается выбирать между приятными в том или ином отношении представителями все той же отсталости. Снова группы поддержки одного и другого кандидата, материально от них зависимые, стремятся стать вершителями властных судеб и рассматривают граждан как статистов, которых следует вразумить, подправив, если нужно, неверный выбор запретом неудобных кандидатов и фальсификациями на выборах. А там можно, надев ельцинскую шинель, запустить второе издание «голосуй или проиграешь».

Между тем, главной проблемой является отсутствие консенсуса большинства граждан России о векторе развития. Именно это основная причина того, что у современной России перспектива одна – отсталость. а ведь вектор может быть только западным. Только превращение России в стандартную западную демократию и есть модернизация. Она же вестернизация.

Если задаться вопросом о том, что же показало номинальное президентство Дмитрия Медведева, какой урок оно дало

российским гражданам, то ответ таков – перемены при сохранении коррумпированной постсоветской системы невозможны. и все попытки борьбы с коррупцией подтвердили две вещи – коррумпированность всей системы и бессмысленность ее изменить путем преследования отдельных лиц. Вроде каких-нибудь подмосковных прокуроров, современного варианта подзабытых «оборотней в погонах» из предыдущей показушной кампании.

Итог к середине 2011 года – полный и окончательный провал попыток реформирования, основанного на идее совмещения западной динамики и постсоветской гнили. И можно уверенно сказать, что к парламентским и президентским «выборам» этот итог останется неизменным.

А что же взамен? Что может быть реальной альтернативой тому, что есть сегодня? Только тотальный слом существующего государства, его перестройка на манер западных демократий, массовые сокращения чиновничества, ликвидация целых министерств и служб, безжалостное уничтожение общества, основанного на привилегиях, и его замена на общество, основанное на преимуществе знаний и умений. Можешь делать лучше? Тогда станешь первым! Безжалостная конкуренция и продвижение на ее основе лучших во власти, бизнесе и науке – главный принцип альтернативного сегодняшнему обществу.

У нас слово «стабильность» превратилось во что-то неприкосновенное, положительное. Но невозможно совмещать решительные перемены и сегодняшнюю стабильность. Путь к западной демократии лежит через нестабильность, потерю целыми слоями общества своего сегодняшнего привилегированного положения и перестройке сознания большого

числа людей на западный лад. И ошибки здесь неизбежны. Это все болезненно, но зато честно и перспективно.

Зачем нужна «стабильность», при которой директор школы отправляет молоденькую учительницу английского языка сдавать ЕГЭ за какого-то оболтуса, угрожая невыплатой премии? Кому нужна эта унижающая и развращающая людей «стабильность», кроме взяточника-директора и родителей ученика-бездельника? А кому нужна «стабильность», при которой в бизнесе одни из главных действующих лиц какие-нибудь талантливые нефтетрейдеры? Верно, только этим талантам и их друзьям во власти. И вполне понятно кто пострадает, если сломать систему, а затем дать выбор, поставив всех в равные условия.

Нет надежды на то, что российские граждане вдруг прозреют к президентским «выборам» 2012 года. Но есть надежда на то, что безрезультатная круговерть последующих лет приведет к тому, что осознание неизбежных и тяжелых перемен обществом произойдет. Тогда сегодняшние предвыборные праймериз внутри коррумпированной системы между «пасечниками» и «плиточниками» станут последним вздохом системы, место которой давно уже на кладбище. Причем в том его углу, куда не забредет с цветами благодарный потомок.

Блог в Live Journal aleks_melnikov, 31 июля 2011 года

ТРОПАМИ ОЗЛОБЛЕНИЯ

Общественное настроение в России качественно сдвинулось в сторону вседозволенности по отношению к властным институтам.

Понимание тупиковости российской системы, созданной в предшествующие двадцать лет, сегодня можно считать общепринятым. Но если в конце 80-х годов прошлого века существовала ясно сознаваемая думающей частью общества альтернатива «западного пути», то сегодня этого нет.

Десятилетнее оболванивание граждан через телевидение, массовый отъезд образованных людей из России и плохое гуманитарное образование внутри страны сделали свое дело – идеал российского будущего размывается где-то между советской стабильностью, растущей китайской экономикой, высоким уровнем жизни в Германии и английскими политическими свободами. Куда идти стране, к чему стремиться ее властям – большинству граждан непонятно. В этих условиях единственный ясный массам язык – это разрушение того, что существует сегодня.

Именно это настроение лежит в бесконечных требованиях к политическим оппозициям разных направлений «объединиться» на одном основании – «неприятности действующей власти». То есть буквально должны собраться все «активные силы» из либералов, коммунистов, этнических националистов и просто равнодушных граждан, из числа защитников прав экономических меньшинств и окружающих лесов,

снести «систему» методом «прямого действия», а дальше на ее обломках остановить гусеницы бульдозера и разобраться, куда ехать дальше.

Из этой же области призывы голосовать на выборах в Госдуму России за кого угодно, лишь бы только против так называемой «Единой России». Превращение имитации в честные выборы вообще не рассматривается серьезно как путь, способный привести к политическим переменам. Потому что это нудно – «копаться в фальсификациях», а нужно что-то такое, что даст все и сразу. Это не либеральная демократия позитивных ценностей на западный манер, это демократия отрицания, хаоса и уничтожения.

Опасность этой своеобразной игры с неясным исходом, разновидности «русской рулетки», типичного русского лихачества «а гори оно все огнем» многими нашими согражданами не осознается.

Между тем, для того, чтобы понять, во что она может превратиться, теперь необязательно обращаться к опыту «бескровной» Февральской революции 1917 года и последующим событиям. Будущий историк нравов отметит, быть может, 2011 год как год перелома в общественном настроении в России, когда оно качественно сдвинулось в сторону вседозволенности по отношению к существующим в стране властным институтам.

О том, что тому виной, будут разбираться позднее. Некоторые напишут о глупости властей, которые до последнего момента держатся за свое положение, с упорством маньяков фальсифицируют выборы и множат несправедливости даже в резонансных делах вроде дел Магнитского или Ходорковского – Лебедева. Иные заговорят о том, что российские

власти ничем серьезно не управляют и способны лишь на ожидание развязки. Третьи осудят оппозиционных лидеров либерального толка за их неразборчивость, недальновидность, нежелание идти против общественных настроений, формируя ясный ориентир на превращение России в европейскую страну. А кто-то спишет всплеск радикализации на момент, когда стало понятно, что Россию ожидает еще шесть лет продления застоя «нулевых», или же на едва ли не ежедневные сообщения прессы о нарушениях закона представителями властей.

Хорошей «лакмусовой бумажкой» для оценки состояния умов служит реакция интернет-аудитории традиционных либеральных изданий на акты насилия в отношении представителей власти.

По поводу акций анархистов в отношении отделений ОВД один из читателей «Газеты.Ру» написал: «Они не молодцы... но вот как-то осуждать язык не поворачивается». Другой посетитель сайта высказывает обоснование: «Достучались дубинками на митингах несогласных... После того как превратили выборы в фарс и лишили людей всех законных способов протеста и выражения своей гражданской позиции».

Этому настрою достойно следует читатель сайта «Эхо Москвы», написавший по поводу избиения неизвестными капитана милиции, доставленного в больницу с черепно-мозговой травмой: «Снимаю шляпу перед избившими гада». И здесь же другой, склонный к рефлексии посетитель сайта грустно отмечает: «Кроме злорадства, никаких чувств. Дожили». А вот и реакция подключившихся к обсуждению регионов самой большой страны мира: «Единственное, за что можно сказать спасибо москвичам». И как завершение об-

суждения следует энергичное: «Молодцы. Не понимая предупреждений, государство не хочет воспитывать – так ему. Это ж скольким людям без общения с таким уродом легче жить станет».

Можно говорить о том, что подобные настроения еще не являются всеобщими, но столь же уверенно можно утверждать, что они становятся все более влиятельными и общество, пожалуй, не осознает, по какому «тонкому льду» оно ходит.

Сначала, ближе к концу «нулевых», существующая власть незаметно потеряла свое идейное обоснование. Параллельно с ее превращением в более или менее замкнутую группу шел процесс отчуждения от нее людей, связанный с разочарованием в тех надеждах, которые возлагались на Владимира Путина в начале его правления в конце 90-х. Теперь отчуждение постепенно переходит в озлобление и отторжение. Здесь видна ясная динамика, которая в полной мере способна развернуться в распад политического порядка, как только общество столкнется с серьезным экономическим кризисом, в результате чего власти не смогут выполнять принятые социальные и другие обязательства.

И случись этот кризис, он может не быть повторением кризиса конца 2008 года, который произошел в другой психологической обстановке. Тогда отчуждение от власти не было так велико, а озлобление гнезилось лишь в активных политических группах. Напрасны могут оказаться надежды сегодняшних властителей на полицейскую силу. Дело даже не в примере Египта и Йемена, а в том, что проводимые сегодня ограниченные реформы вполне себе затрагивают материальные интересы низовых полицейских структур.

Вряд ли сегодняшнее политическое руководство не понимает происходящего движения. В этом смысле создание «Народного фронта» представляется не как оторванная от жизни имитация, а как, пусть и неуклюжий с внешней стороны, ответ на новые реалии, как попытка сменить часть остывших «единороссов» на людей, пришедших извне, придать на свой ограниченный манер динамику существующей системе, продлив ее существование. С точки зрения консервации системы решение адекватное.

Но будет ли оно успешным с точки зрения перспективы? Решающий вопрос не в том, сколько времени еще сможет просуществовать постсоветская система, он важен только с точки зрения отпущенного времени на формирование предпосылок будущего жизнеспособного общественного порядка.

Ключевые вопросы другие. Что за порядок будет вырывать в недрах путинской системы? Способны ли будут власти действовать, казалось бы, парадоксально – не слишком мешать постепенному формированию европейской альтернативы? Какую роль в состоянии сыграть существующие слабые гражданские институты европейского толка?

К числу институтов относится и состояние общественного сознания. Наблюдая за происходящим с отчаянием, экономист Леонид Юровский написал в середине сентября 1917 года на страницах газеты «Русские ведомости» слова, которые можно применить и к нашей современности: «Необходимо, чтобы в сознание народа вошли такие начала, которых ныне в нем нет. Те начала, на которых покоятся устойчивые, дисциплинированные и честные общественные и государственные организации лучших наций. И только в том случае,

если бездна несчастий, на которые мы обречены, заставит зародиться и развиваться эти начала в народной душе, Россия может быть спасена».

На дворе 2011 год. Того, чего не было «в сознании народа» в 1917-м, нет и поныне. «Бездна несчастий» прошла и забылась. Рождение чего-то нового и здорового сокрыто в пугающем мраке. Очень все это напоминает впечатления Хомя Брута из «Вия» перед третьей ночью под ветхими деревянными сводами церкви, рядом с гробом ведьмы: «Все было так же. Все было в том же грозно-знакомом виде».

Газета.ру, 22 августа 2011 года

ПОХМЕЛЬЕ ПОСЛЕ ПРОКHOPOV'S PARTY

Власти испугались, что из Прохорова вырастет новый Гусинский или Березовский. Поэтому первое же движение олигарха в сторону политической самостоятельности привело к немедленному удалению его с выборной площадки.

История с вхождением Михаила Прохорова в предвыборную гонку и столь же стремительным его изъятием из процесса позволяет высветить «прожектором модернизации» несколько черт существующей в нашей стране политической системы.

Это, прежде всего, печальное состояние политического сознания представителей российского крупного капитала. Перефразируя известное изречение применительно к нашим российским реалиям, можно было бы сказать, что если деньги приводят к серьезному ухудшению умственных способностей, то большие деньги лишают человека разума.

И это вовсе не является преувеличением для бизнесменов, желающих идти в российскую политику не для того, чтобы, используя служебное положение, продолжать делать в ней деньги, а для тех, кто шагает в нее для реализации собственного «я». Подобные бизнесмены, как правило, отличаются невероятно высокой оценкой своих перспектив, основанной на том, что раз уж удалось сколотить миллионно-миллиардное состояние, то уж среди этих нищих политических мышей успех гарантирован. Главное, были бы деньги, купить можно

что угодно – от социологических опросов и журналистов до политических нукеров, консультантов, спичрайтеров и голосов избирателей. Залил «зеленое топливо» в машину, нажал на кнопку – получи на выходе результат.

Теперь на опыте выяснено в очередной раз, что большие деньги в российской политике еще не все. Что сама она представляет не голое поле для фантазийных построек, а дремучий лес, в котором самонадеянного путника подстерегает много опасностей и ловушек. Соответственно, если кто-то в бизнесе и представляет собой известную величину, то в политике он ноль, новичок с неясными перспективами, и, вполне возможно, нет у него для этой деятельности способностей.

Идея же водительства политических колонн миллиардерами представляет собой элемент современного политического варварства и пример дальнейшей деградации нашей политической системы – ее упрощение и снижение уровня политической культуры.

В новейшей истории нашей страны была одна партия, вырвавшаяся, если отвлечься от фразеологии, интересы крупного капитала – СПС. Но там, во всяком случае, миллиардеры не заседали в руководстве и не мнили себя политическими вождями. Тогда за политикой признавалось право на известную автономию и на профессионализм, понимание того простого факта, что сформулировать свои интересы и закачать в политическую партию деньги – это одно, а провести решение и сохранить возможность влияния в будущем – совсем другое. Для этого нужен особый класс профессионалов. Поэтому часть богатых друзей СПС широкой публике не известна до сих пор.

Такой взгляд, между прочим, если и верен, то слишком прямолинеен. Потому что есть разница между партийным политическим процессом, идущим более или менее автономно от действующих властей, и нашей современностью, в которой для части политических организаций лидеры десантируются с парашютом, хотя бы и золотым. При этом роль для них ясно определена – для кого-то служить простыми спойлерами, оттягивающими голоса от самостоятельных политических образований, для кого-то, как в случае с Михаилом Прохоровым, отводится другая важная цель.

Его задачей было открыто декларировать на публику свои известные мнения о том, что следует увеличить рабочую неделю, изменить в пользу большого бизнеса Трудовой кодекс, и тому подобные инициативы.

Прохоров должен был, так сказать, служить истинным голосом сегодняшней власти, которой предстоит принимать непопулярные решения, громоотводом, который безропотно снесет удар любой молнии. Прошел бы он в Госдуму или нет, значения не имеет. Важно, что, используя свои деньги и избирательную кампанию, бизнесмен смог бы ясно заявить о необходимости «затягивания поясов».

И как было бы удобно на этом фоне выглядеть умеренными государственными деятелями, чуждыми крайностей, но понимающими, что «перемены необходимы». Как просто было бы, свершая перемены, «спасать страну от либерастов, гайдарастов, чубайсоидов».

План этот не сработал в силу указанного в начале статьи обстоятельства, когда совершенная по своей функциональной роли в системе марионетка вдруг решила двигаться по не слишком самой ей понятной идейной траектории, но

в сторону какой-то самостоятельной властной роли. «Или бес в тебя ввернулся? Или ты с ума рехнулся?» – могли бы воскликнуть на властных верхах.

«Что было раньше хорошего? Сидели наверху Гусинский и Березовский и давали указания, кому и что делать», – такими с чувством сказанными словами выразил в частном разговоре отношение «вертикали» к прошлому один из высокопоставленных сегодняшних руководителей, не отличающийся особой экспрессией. В этой системе живет стойкое неприятие и опасение крупного российского бизнеса, равно как и ясное понимание его способностей коррумпировать чиновников и политических деятелей. Поэтому движение российского миллиардера в сторону, может быть, и безопасной пока политической самостоятельности привело к почти рефлекторному откручиванию высоко посаженной головы.

Плохо это или хорошо? С точки зрения вытолкнутой взащей на улицу «правой оппозиции», которая с Михаилом Прохоровым одной крови и даже (в своей руководящей части) одного образа жизни, плохо. Но, как бы это ни показалось на первый взгляд парадоксальным, с точки зрения интересов широких народных кругов, хорошо. Потому что олигархический капитал совершенно такой же противник либеральной демократии и интересов большинства вообще, как «вертикаль». История российских гражданских движений, сражающихся с крупным бизнесом за экологию, трудовые права, архитектурное наследие и возможность жить в удобной городской среде, показывает это с очевидностью.

«Вертикаль» и государство как игрушка в руках крупного бизнеса, с точки зрения интересов широких народных кругов, есть две разновидности элитарной политики, политики

в интересах меньшинства. В первом случае это государственный бизнес, во втором – бизнес на государстве.

Как бы ни относиться к современной «вертикали», но в ней живет одна важная черта, которая с точки зрения народных интересов не должна быть утеряна – ясное понимание того, что государство не должно быть игрушкой в руках крупного бизнеса. Это ценное качество, держащее «большие деньги» в узде и не дающее им обладать подавляющей властью, не должно быть утеряно при переходе к другой форме политической организации, близкой по своим принципам к той, которая установлена в западных демократиях.

Конечно, «вертикаль» предлагает свой товар обществу по слишком высокой цене «капитализма закадычных друзей». Она отбрасывает тех, кто не включен в близкий круг, в лагерь сочувствующих реваншу слабого государства. Но если они и против «вертикали», то из этого вовсе не следует, что преследуют какие-то другие интересы, кроме собственных, пусть для «вертикали» и опасных. Может быть, Михаил Прохоров обо всем этом и не задумывался. Но в том классе, в который он столь самонадеянно попал, оказались опытные учителя. Они отшлепали его по спине указкой и выставили из политического класса за дверь «фиксировать убытки».

Газета.ру, 16 сентября 2011 года

В России реализован идеал охлократии. Чернь царит везде и во всем, наверху и внизу.

Тезис о том, что в России недостаточно демократии в либеральных политических кругах, является чем-то само собой очевидным. Но главная проблема другая – в отсутствии аристократизма, элитарности, в смешении жанров, лиц и институтов.

Все подчиняется какому-то единому стандарту, основанному на власти денег. На этот алтарь сносятся научная добросовестность, таланты журналистов, политические репутации. И когда восходит на политическом небосклоне какой-нибудь денежный мешок, значительная часть политического сообщества начинает в волнении дрожать крыльшками в надежде, что осядет на них золотая пыльца.

Собственно, в этом и заключалось главное содержание «феномена Прохорова» и других подобных явлений больших денег в российскую политику. Поэтому общая картина рисована одной краской с разными оттенками – вместо свободно цветущей сложности равнение на плебейство в худшем смысле этого слова.

За исключением отдельных ярких лиц и разрозненных экспертных организаций, серьезно изучающих феномен власти, институт политической культуры отсутствует. Вместо него колыхается субстанция, в которой вчерашний эксперт легко переходит в ипостась пропагандиста той

или иной политической партии, а затем, не отряхнув испачканных перьев, вновь рисует себя как добропорядочного представителя сообщества, для которого главный интерес – истина. Как бы после пьянки галстук на несвежей рубашке поправил, протер очки платком, пригладил пятерней взъерошенные волосы, да и пошел обратно в приличное общество.

Примеры многочисленны. Можно, например, с серьезным видом сегодня представлять публике шлаки и выхлопные газы бюрократической системы в виде так называемой «Справедливой России» как оппозицию этой самой системе, обвесив этот пропагандный тезис событиями и фамилиями. Так, что напоминает он какой-то странный античный трофей. То есть продать публике под видом экспертизы и независимой оценки свою политическую ангажированность, а назавтра вернуться к написанию экспертных статей о региональных и прочих выборах. Причем в том же издании, на соседней странице.

Другое похожее низкопробное установление для оруэлловских пролов – политические ток-шоу на телевидении. Это и не журналистика, и не беседа экспертов, и не спор политиков и экспертов, а нечто глянцевое, бессмысленное, с заранее заданным результатом и неизменными хлопками аудитории в студии.

Варианты могут быть разными – гламурная тетка-мышь и путинский журналист обсуждают что-то «нереально политическое», плотный стриженный мужичок с ухватками героя уголовной Одессы из сериала «Ликвидация» ведет почти пацанский разговор, ведущий с глазами пьяной седелки «судит сам», заранее разделив приглашенных на пло-

хих и хороших. Или, например, бьется в истериках, «как ведьмак на шабаше», то ли режиссер из театральной самодеятельности, то ли политолог, то ли обломок советского прошлого на «процессе» с накрученными через call-центры голосованиями.

Чему эти передачи способны научить? Дело даже не в том, что там солируют «специалисты по всем вопросам», а значит, ни в чем не специалисты. Дело в том, что даже интересные ученые, попадая в этот формат, вынуждены плыть в жидкой безбрежной каше политической попсы.

И что же в таком случае получается? Пример какой свободы может явить «элита» демократическим низам? Никакой. Это совершенно одно и то же – верх и низ создан из единого демократического материала, в котором как раз недостатка нет. Проблема в его избытке, в том, что этот материал все знает, во все готов вмешаться и все устроить наилучшим образом. И то, что он устроил это, видно на примере России – здесь чернь царит везде и во всем, здесь реализован идеал охлократии.

На днях на канале «Культура» философ Федор Гиренок в связи с работами Георгия Федотова говорил, что свобода не может быть всеобщей, она всегда частная, всегда для немногих. Это мысль, во всяком случае, интересная и в своей актуальности совершенно противная тому радикальному российскому демосу, который считает себя свободным только лишь в силу своей фронды.

Но даже если и считать, что свобода – привилегия немногих, что она элитарна, аристократична, то она должна себя активно утверждать в противостоянии демосу, «грубо прущему», словно аристофановские кентавры. Этого

в России, к сожалению, не так много, как нужно. И поэтому главная задача политических перемен в России – умаление плебейства народа и плоть от плоти его, власти, утверждение образцов культуры и сложности. От демократии к свободе.

Газета.ру, 31 октября 2011 года

ПРОБУЖДЕНИЕ МАСС

Дело уже не в Путине, его уходе или возвращении. Ожившие площади неизбежно сметут весь узурпировавший власть класс бизнес-чиновников.

Лидерство уходит из российской политики. Противостояние фигур заменяется борьбой классов. Выливающиеся на площади массы, лишённые лидеров; голосование не за фигуры и партии, а за нечто, способное реализовать интересы; создание неполитических лиг избирателей и массовый поход в наблюдатели на выборах – все это ясные признаки укрупнения российской политики. Явление это не только столичное – оно захватывает всю страну.

Сколь несущественными, не улавливающими сути общего движения смотрятся на этом фоне попытки властвующего класса действовать методами телевизионной рекламы, предсказуемых выборов, обещаниями персональных назначений и законодательных изменений. Все это пусто – лишь лакирует и чистит до блеска ороговевшую, лишённую эластичности поверхность. В ней уже намечаются трещины, под ней уже клокочет лава. Произошло это как бы вдруг. И, допустим, уход из политики Суркова не случаен и символичен: время действенных манипуляций само себя изжило.

Видны в российской политике и иные признаки массовости – острое ощущение «чужого» и «своего», для которого тот или иной политик выступает лишь маркером; интуитив-

ное представление о субъективной верности движения без ясного понимания рациональной цели, отсутствие интереса к деталям. Калейдоскопическое мелькание лидеров, играющих роль лишь острия, тарана, временной функции, показательно: не лидер формирует массы и дает им направление силой своего величия, а сама толпа, словно вычислительная машина, перебирает варианты для решения своей (пусть и смутно осознаваемой) задачи. Можно оспорить силу этого движения, но признаки его существования отрицать невозможно.

Что-то новое происходит под твердой, казалось бы, оболочкой существующей российской политической структуры. С того времени как нашла себе Ельцина, была она насквозь персональной, лидерской. И общество как бы расплылось, распалось, беспорядочно двигались человеческие атомы в русле прокладываемых властной рукой направлений. Два десятилетия движения и поисков привели эту модель к кризису и спонтанным образом, без вмешательства государственной власти и внешнего давления, породили новое мироощущение – мы и они.

Этой власти пока еще подчиняются, но надежд на нее уже не возлагают. И теперь призыв «Путина в отставку» воспринимается не как конечная цель, а лишь как эпизод, направленный на уничтожение мешающего социально и технологическому прогрессу России класса бизнес-чиновников.

Общественное сознание (пусть и с применением старых понятий и формул – «феодалных привилегий», «номенклатуры», «олигархии», «баре едут») ухватывает суть этого все более ненавистного обществу класса – эксплуатация «синих» и «белых» воротничков, личное обогащение под

прикрытием выполнения чиновной знатью общественных функций.

Пугая ужасами революции и сопутствующего ей беззакония новых плембеев, нувориши-патриции рассказывают на новый лад римскую басню Менения Агриппы: «Однажды члены тела восстали против желудка: мы-де все трудимся, а он один забирает всю пищу. И они перестали кормить желудок; но вместе с желудком исхудали и погибли сами. Потому что желудок не только питается, но и питает – распределяет жизненные соки по всему телу. а что для тела желудок, то для государства сенат». То, что тогда называлось сенатом, сегодня есть бизнес-братство «вертикали», включая и ее ветви в виде «судов», «избирательных комиссий» и прочих «правоохранителей» и столпов номенклатурной государственности. Но никакие подобранные телевизионные картинки о добившихся успеха в рамках существующего порядка простых людях не способны прервать шаг уже начавшейся в России революции масс, понимающих, что существующий государственный порядок основан на воровстве у них же.

Никакие частные меры против низовой коррупции и их настойчивая реклама не способны отменить ясно сознаваемую обществом суть: нынешний порядок несправедлив – вне зависимости от любых действий властей; он не сводится к частичному перераспределению благ, рано или поздно он будет уничтожен во имя социального и технологического прогресса.

Кризис западного мира, в том числе и политической демократии, ставший любимым пропагандистским оружием в замораживании массовых движений в России, не способен серьезно задержать внутренние перемены в нашей стра-

не. Стремление к справедливости и равенству гражданских прав вне зависимости от имущественного и политического положения граждан все равно составляет мечту угнетенных бизнес-чиновниками и их слугами классов. Сам же кризис западных демократий и крах современного либерализма будет восприниматься в России как творческая задача для ищущего выход широкого народного движения.

Заметно, что эта новая массовость российской политики идет рука об руку или же является следствием внутренней структуризации, усложнения единого некогда общества. От советских времен унаследовала современная Россия плоскую общественную структуру бывших «советских людей». Теперь же, на фундаменте во многом благополучных в экономическом отношении нулевых лет, очевидно пышное цветение тысяч общественных интересов, совершенно не подвластных манипуляциям одряхлевшей власти. Это массовое разнообразие и стремится вырваться на поверхность общественной жизни и все настойчивее требует то, что принадлежит ему по праву.

Время побед класса бизнес-чиновников прошло и никогда уже не вернется. Он может назначить себя еще раз победителем на выборах 4 марта. Но он не сможет повернуть время вспять, ко времени двух своих триумфов – началу 90-х и началу нулевых.

Он не сможет больше обманывать. Его кровь ушла в землю, взойдя из нее быстро растущими зелеными побегам. Класс бизнес-чиновников мог не мешать им, не препятствовать стать властью. Он мог бы подчиниться демократии и превратиться в ее слуг. Но вся история последних лет говорит, что он этого делать не будет. Раз так, его сломают

массы, сломают бесправные сегодня классы. Безжалостно, с хрустом, через революцию. Это будет неправильно в отдельных случаях, но выстрадано за последние двадцать лет и глубоко верно в целом.

Газета.ру, 26 января 2012 года

ЗАКАТ ГАСНУЩЕЙ ЛУНЫ

Политическая астрономия отличается от просто астрономии тем, что в ней тело, излучающее свет, может превратиться в объект, свет отражающий. В политике яркое Солнце, выработав свой ресурс, превращается не в красного гиганта, а преобразуется в холодную, покрытую пылью безжизненную Луну, живущую лишь отсветом других, восходящих политических звезд. Именно это и происходит с сегодняшней властной системой, пародирующей методы действия гражданской оппозиции.

Как только гражданский протест – прямое следствие воровства голосов на выборах 4 декабря – материализовался в форму митингов, сиятельная коррупция срочно заказала себе такую же форму действия, залив в нее несколько десятков тысяч купленных манифестантов и государевых крепостных. Получился лишенный правды жизни, окоченевший в московском морозе поклонный монумент. Но гражданское творчество вскоре перешло от статичных митингов к движению, создало массовое шествие, осушившее околореволюционное болото яркими цветами народного творчества. И тут же, словно политическое эхо, понеслись встревоженным шелестом по столоначальникам охранительные заявки о сером марше купленных и принужденных. Едва гражданская оппозиция устроила автомобильный пробег, эта форма отразилась на усыпанных солью московских тротуарах путингом на колесах.

Подобная потеря творческой политической энергии, инициативы, ученическое и неумелое повторение методов своих противников говорит об очевидном закате действующей политической власти. Дух от нее отлетел.

В сущности, своими основанными на подкупе и приказах действиями власти показали, насколько они сегодня слабы по сравнению с началом нулевых. Они сами продемонстрировали, что существующая система власти подошла к своему пределу – теперь она лишена активной поддержки граждан. Это, верно, совсем не то, что было на заре нулевых, – с таинственными взрывами в Москве, грохотом чеченских побед, начавшимся экономическим ростом, обещаниями сильного государства и молодым лидером с эффектом новизны. Все это в далеком прошлом, теперь же есть лишь заполняемая прошлыми надеждами телевизионная пустота, деньги и приказы. На такой результат власти не рассчитывали, но это именно то, что получилось на деле. Здесь, верно, марксист-ленинец с удовлетворением увидел бы один из признаков революционной ситуации – «верхи не могут управлять постарому», т. е. их методы, действенные в обычное время, во взбудораженной, пришедшей в движение стране дают противоположный результат.

Это примерно то же, что происходило на закате Советского Союза, – не было миллионных шествий, штурма Кремля, пылающих райкомов партии, но когда потребовалось выйти защищать коммунистическую власть в августе 1991 года, желающих не нашлось.

Вся ее ветхость обнаружилась в один момент, в течение нескольких дней произошел окончательный распад и крушение. И сегодня отношение россиян к власти именно такое,

как было тогда, – большинство могут с ней мириться, но защищать ее ни за что не будут. Как говорил Шариков: «На учет возьмусь, а воевать – шиш с маслом». Это и есть слабость пассивной поддержки.

Подобное почти всеобщее разочарование в кумирах старта нулевых маскируют лишь два обстоятельства – благоприятная экономическая ситуация, целиком основанная на внешних экономических обстоятельствах, и сохраняющее свою силу пропагандистское воздействие телеканалов. Это и есть тот тонкий, потрескивающий февральский лед, который почитается властной чернью как неколебимый гранитный постамент. Но первое, во всяком случае, проблематично в перспективе ближайших лет, а второе ослабляется не только разрывом слова и жизни, но и гигантским развитием общедоступного интернета. Получается, что перемены есть лишь дело времени, основа для них уже готова, революция уверенно, молодо и с улыбкой смотрит на насупленные кремлевские звезды.

Есть и другое обстоятельство, ускоряющее перемены. Оно создается сегодняшними действиями властей. Там предпочли реальному парламентскому компромиссу с растущей оппозицией иное. На верхах, верно, считают втягивание в политику рабочего класса, небольшая часть которого коррумпирована предложением должностей, обещанием госзаказов и поездками в центр с водкой и харчем, замечательной идеей. Дескать, мы покажем, что всем этим оппозиционерам противостоит «рабочий класс», который готов за подачки до последнего вздоха защищать властную коррупцию и, между прочим, существующую систему отношений с работодателями. Нет большего заблуждения и лучшей подсказки для гражданской оппозиции.

Если в период после выборов гражданская оппозиция с той же энергией, которая сегодня направлена на контроль выборов, обратит свое внимание на защиту прав трудящихся, формирование профсоюзов, использование забастовок (в том числе и политических), сегодняшняя рабочая инициатива властей отольется им горькими слезами. Это, между прочим, будет последовательно с точки зрения протестного движения – ведь честные выборы нужны не сами по себе, а для установления более справедливой власти. И здесь организованное движение трудящихся, дух которого так настойчиво и неумно вызывается политтехнологами из Кремля, очень пригодится. Так, своими действиями власти выталкивают массы в публичную политику, создавая основу для созревания второго признака революционной ситуации – «низы не хотят жить по-старому».

С этой точки зрения назначение 4 марта сегодняшней властью своего лидера президентом страны имеет примерно такое же значение, как количество звезд героя на груди любимого руководителя Леонида Ильича Брежнева. Четыре, пять, какая разница?

Можно назначить себя президентом и в четвертый раз. Можно вечерами славословить свое величие на своем же телевидении. Можно любить себя перед зеркалом. Но уже невозможно стать звездой. Остается править до конца призрачной, бледной, пугливой, ревнивой, невозвратно закатывающейся за горизонт луной.

Газета.ру, 27 февраля 2012 года

Их звездный час

В российском политическом классе нарастает ощущение истощенности политической модели, существовавшей на протяжении последних 20 лет, осознание ее ограниченности частными целями бизнес-бюрократии и расхождения последних с национальными интересами страны.

Сегодня они радуются до оловянного блеска слезящихся на ветру глаз. Они снова развратили, подкупили, обманули, принудили. Хотя и со старческой одышкой, но добежали до финиша первыми и нетерпеливыми руками ухватили свой главный приз – право еще шесть лет красть, врать и лицемерить. Это была игра пока еще по их правилам, все еще при их силе.

Если задуматься, то сегодняшние российские граждане не просто никогда не участвовали в честных выборах, они не имели возможности выбрать себе форму государства, в которой им предстоит жить, выбрать себе страну. Недаром одни все более настойчиво требуют парламентской республики. Другие, оглядываясь на Великобританию, Бельгию и Испанию, задумываются о конституционной монархии и возвращении к власти в России династии Романовых. Третьи обсуждают вариант полупрезидентской, смешанной формы правления. Но никто из критически мыслящих людей не согласен рассматривать систему политического бизнеса семей и друзей как навечно данную России.

Некоторые представители российского политического класса в последнее время убеждают общество в необходимости созыва учредительного собрания, восстановления связи с добольшевистскими временами, установления прочных оснований российской государственности и тем самым преемственности не с СССР, а с исторической Россией.

История формирования действующей модели политической системы проста. Бойкая коммунистическая бюрократия, прельщенная перспективами грядущей приватизации, захватила власть в результате переворота августа 1991 года. Затем она окончательно установила осенью 1993 года то, что именуется «суперпрезидентской республикой», а на деле является оформлением ее права править без контроля со стороны народа так, как ей хочется, ни за что перед ним не отвечать, решая лишь задачу своего семейного и дружеского обогащения. Собственно, последнее и есть в ее понимании смысл власти.

Представление о власти как общественном служении, свойственное либеральным демократиям, если говорить о сути, а не о лицемерных уверениях, ей совершенно чуждо и в таком качестве почитается лишь как риторическая фраза, обязательная в публичных выступлениях.

Это очень похоже на методы прошлых коммунистических начальников. Реальная политика делается где-то внутри, а «дорогим россиянам» преподносится что-то такое, что большинству из них в данный момент приятно услышать в соответствии с их воспитанными пропагандными ТВ и школой предрассудками – о желающих их развратить геях, похитить их недра «амерах» и «бритах», заразить их драго-

ценный отечественный коррупционный организм вирусом «оранжевой чумы».

При этом практически все – и те, кто правит, и те, кем правят, – понимают, что Россия является собственностью чиновной бизнес-корпорации, раскинувшейся по всей стране, но никак не владением граждан.

Этот феномен политической шизофрении, при котором думают об одном, а говорят и делают другое, весьма показателен. Он ясно говорит о том, что даже сегодняшние правители, себя назначающие отцами народа, не верят в долговременность российской политической бизнес-системы.

В противном случае мы бы услышали ясное декларирование не формальных, а реальных принципов ее функционирования и публичную защиту от принципов либеральной демократии таких ее оснований, как «национальный лидер», «тандем», «партия бюрократии», пропагандистское ТВ, «вертикаль» назначенцев, «выборы без выбора», особая роль секретной политической полиции и жандармерии. Отчего бы это пропагандистам на жаловании не заняться отстаиванием этих установлений российской политики? Ведь не стыдится коммунистический Китай открыто говорить, что его система основана на принципах, отличных от либерально-демократических.

На практике же мы видим иное. Те, кто начинает ясно и с верноподданническими целями говорить о том, как работает эта система, вроде генерала Черкесова, немедленно из нее удаляются. Быть лицемерной, двуличной – ее основное правило. Система стремится создать впечатление, что она не намного отличается от Запада, что в основе своей она такая же, только с некоторыми особенностями и своими нацио-

нальными интересами. Дескать, и коррупция на Западе тоже есть, и демонстрантов там тоже разгоняют, и своих неонацистов там полно, а вот, кстати, и префектов во Франции тоже назначают.

Словно хищный богомол прикидывается российская чиновная коррупция и правительственный бизнес не слишком примечательной зеленой веткой на дереве современной либерально-демократической цивилизации.

Такая нужная «победа со слезами на глазах» одержана. Отгремели организованные сверху митинги поддержки. Российская бюрократия с «жужжаньем в черепах и холодком в костях» удобно рассаживается в креслах в ожидании приятных послевыборных впечатлений. Она думает, она уверена, что поезд, в первом классе которого она поедет, направляется в страну Эльдорадо. Но это поезд, готовый ехать только по кругу, а значит, отправляющийся в никуда, начинающий движение в ничто, настоящий ghost-train.

Вдоль дороги вырастают оазисы Сколково, олимпийские объекты, весело бегут газопроводы и пивопроводы, зеленеют футбольные поля, на которых задорно гоняют мяч «челси» и «анжи». За ними же, не видная державному чиновному глазу, лежит летящая в пустоту истории страна с великим прошлым, но без всякого будущего. Страна отчужденных, запуганных, запутавшихся, разуверившихся людей с их повседневными нуждами, столь далекими от забот того, кто плачет, увидев в мартовском небе свою счастливую звезду.

Газета.ру, 7 марта 2012 года

ОГОНЬ ПО ШТАБАМ

Настоящая борьба с коррупцией погубит нынешнюю политическую систему точно так же, как перестройка погубила советский строй.

Затянутая высшим российским руководством демонстративная борьба с коррупцией, проведенная искренне, решительно и быстро, приведет к неизбежному уходу из политики главных организаторов этой кампании и слову всего государственного устройства современной России. Дорога, на которую оно встало, есть проторенный путь, пройденный Михаилом Горбачевым во второй половине 80-х. Тогда безобидная, как казалось поначалу, но затем разжавшаяся, как пружина, перестройка привела к крушению устоявшегося порядка. Так же будет и сейчас.

Коррупционеры в администрациях различного уровня и силовых структурах – это и есть те, кто окончательно освоился в российской власти в начале нулевых, те, кто больше всех выиграл от экономического роста, главная опора существующего порядка – его плоть и кровь, цель и смысл, жизнь и судьба.

Это все тот же циничный советский партийный, хозяйственный и репрессивный аппарат, только одетый в приличные костюмы и обладающий несравнимо большими доходами, хотя и любящий ностальгически вздохнуть перед телевизором, показывающим какой-нибудь очередной мусор на тему «у нас была великая страна». Воевать с ними – это

все равно что начать взрывать гранаты в собственной квартире для того, чтобы извести ставших до теплой вониючести родными мышей, тараканов и клопов.

Те, кто находится сегодня во главе российской власти, – в глубине души испуганные люди. Они потрясены тем, что происходило в СССР во второй половине 80-х, когда власти шли на уступки пришедшему в движение обществу. Но это страх особого рода – не острастка государственных людей, а испуг обывателей, волею насмешливой судьбы вознесенных до высот страны на излете ее существования.

Поэтому сегодняшние правители наивно желают показать, что все, что они делают, придумано ими самими, исходя из внутренних «государственных соображений», а вовсе не продиктовано внешними требованиями российских граждан. Словно советский пьяница, страшящийся попасть в вытрезвитель, стараются они крепить осанку, держать строгое выражение лица и дышать в сторону от бдительного милиционера в метро.

Но, в сущности, обманывают лишь себя. И так понятно: о борьбе с коррупцией они вынуждены говорить лишь потому, что начались протесты и растет напряжение в обществе.

Собственно, эта пугливость и есть то единственное, что вынесли сегодняшние правители из опыта 80-х. Ничему другому их тот опыт не научил. Не понимают они главного: реформы должны быть своевременными, а уходить с постов следует заранее, когда еще есть силы. Так, как это сделал Гарри Каспаров в мире шахмат. Свой же шанс они уже упустили.

Раз так, то остается только медленно или быстро, а главное, рука об руку с оппозицией, по большей части безголо-

вой, но вернее чувствующей пульс жизни в стране и гораздо более живой, скользить к общему для всех концу. Этапы начала этого движения известны. Они означают глубочайшее согласие верхушечных реакционеров с низовыми революционерами в оценке создавшегося положения.

Сначала, публично демонстрируя разложение силовых структур, издается приказ главы ФСБ о том, что его сотрудники должны до 1 декабря 2012 года избавиться от имущества, право собственности на которое зарегистрировано за пределами России. Пораженный этим обыватель, которого все нулевые годы кормили телепродукцией о лубянских рыцарях, чуждых не то что собственности, но и личной жизни, женатых разве только на перетянутой ремнем и португеей матушке России, еще не успел прийти в себя от изумления, как зароились следующие горячие новости.

Выясняется, что руководители и сотрудники государственных компаний, опоры российской государственности во время хаоса 90-х, разгула бессовестных частников, тоже подвели. Оказывается, у некоторых из них и членов их семей образовались какие-то непонятные доходы, родилось имущество неясного происхождения, появились фирмы, крепко привязанные к родным государственным структурам. Кроме того, все это деловитое хозяйство, оказывается, живет своей собственной жизнью и совершенно не собирается отчитываться перед главой российской власти, о чем он сам удивленному российскому народу и сообщает.

Раздражение и возмущение «государственных менеджеров», отвлеченных от неотложных распильно-откатных дел подувшим сверху демократическим ветерком, сродни настроению Белобородова в разговоре с Хлопушей в «Ка-

питанской дочке»: «Полно, Наумыч. Тебе бы все душить да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чем душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?» Озлобленные белобородовы огрызаются: «Да ты что за угодник? У тебя-то откуда жалость взялась?..», и ведь оба правы.

Наконец, уходящий президент следом за демократической оппозицией, настаивавшей в ходе думской избирательной кампании на декларировании государевыми слугами своих расходов, предложил законопроект о контроле чиновных трат. И опять простому человеку совершенно непонятно, как могло создаться такое положение в стране, 13 лет находившейся по большей части в безраздельном владении той властной группы, которая декларировала в начале нулевых как величайшее благо усиление роли чиновного государства во всех сферах общественной жизни.

Вне зависимости от того, получится ли что-либо серьезное из этих начинаний (а скорее, ничего, кроме шума, не получится), самим своим появлением они говорят о продолжающемся политическом сдвиге в России, о растущем недоверии граждан к обанкротившимся властям.

Пока же чиновная коррупция решила покусать свой собственный хвост и убедиться в том, что кусает саму себя – и это больно.

Потому что какой же смысл тем, у кого отнимают полученные за верную службу блага, защищать от граждан тех, кто сидит наверху? Раз даже купить недорогой дом в какой-нибудь Испании запрещено? Ради чего гнать рабов из государственных компаний на избирательные участки для голосования за отца нации? Почему нужно исполнять мини-

стерские обязанности, мирясь с заоблачным воровством, раз закрыта самая приятная возможность – делать свой небольшой бизнес на государстве? Ведь в этой системе так живут все. И понимают это в ней тоже все. Как те, кто вспоминает приказ Мао «открыть огонь по штабам», так и те, кто в этих «штабах» надевает каски, тревожно нюхает воздух, но знает, что никакая это не «культурная революция» – ревущие снаряды не выйдут из стволов орудий. а если и выйдут, то, несомненно, не долетят или перелетят.

Газета.ру, 16 марта 2012 года

Политические протесты против постановочной пропаганды канала НТВ, призывы к бойкоту этого телевидения, а также продукции его спонсоров являются новым этапом политической динамики, наблюдаемой сегодня в России. Они показывают большее, нежели ранее, понимание обществом неразрывной связи болванящих граждан пропагандных каналов с установленной в стране системой власти. Демонстрируют они и невиданное – готовность к действиям, как личным, так и общественным, против корпорации телевизионных чиновников, одному из отделений правящей Российской бизнес-бюрократии.

Суть дела, однако, вовсе не в политической составляющей телевизионной пропаганды, пусть и сносимой катящимися с высот западного мира лавинами технологического развития и соответствующим ростом числа граждан, голосящих за интернет. Проблема в том, что в нулевые годы телевидение было превращено в инструмент развращения, в широком смысле этого слова, поколений российских граждан. Оно несет главную ответственность за формирование ложных ценностей, утверждение кумиров и духовное уменьшение миллионов, превращение их в телезомби, желающих убить время, наполнить свою катящуюся в пустоту жизнь не активной деятельностью по утверждению себя и страны в мире, а поглощением политого пивной рекламой грубо резанного салата из второсортного Голливуда, сериальных

переживаний, криминала, микст-файта, экстрасенсов и корпоративного футбола. Это совершенный портрет Дориана Грея – глянцева картинка и скрывающееся за ней чудовище, ужас разложения человека.

Будущий историк, изучающий эпоху запойных нулевых и трезвеющих десятых по записям программ российского телевидения, найдет, верно, точный портрет ее самосознания, увидит ее фанфаронство и ничтожность. Вся эта блестящая, засохшая на вековом солнце, а некогда весело пузырящаяся грязь выступит перед ним, в пластах пустой породы, среди разного рода обманок, найдет он и яркую малахитовую жилу – изгой, маргинала современного российского телевидения – канал «Культуру». Быть может, удивится он в своей книге, – то, что должно было бы в нашей отсталой стране стать главным, основным, превратилось в убежище для тех, кто не потерял еще разум и сердце. Посмеется будущий историк и над тем, что самое название этого канала словно бы нарочно противостоит бескультурию, захватившему власть на всех остальных телевизионных магистралях, поставляющих зрителю пластмассовый фаст-фуд.

В политической, чрезмерно политической, не слишком культурной оппозиции считается, что наряду с государственным и частным телевидением необходимо создать общественное. Последнее понимается как, главным образом, альтернативное политическое телевидение. Рассуждение глубоко историческое, родившееся в эпоху, когда государство (бизнес-чиновничество) противостоит обществу (гражданам).

По сути же цель российского политического процесса в другом. Она в революции – в слиянии государственно-

го и общественного, в уничтожении бизнес-чиновничества, а значит, и превращении того, что некогда ему принадлежало в гражданское достояние. И здесь, между прочим, общественное должно таковым и остаться, не переходя в частное владение, слишком склонное делать деньги, пренебрегая общими человеческими задачами. Эти каналы должны быть превращены в просветительные, они должны являться общественным инструментом воспитания вкуса, разума и культурной интеграции в окружающий Россию мир. Задача следующей в России власти после двадцати с лишним лет пустоты – прежде всего задача просвещения, трудного, творческого и отказавшегося от лукавства превращения России в страну европейской цивилизации.

Между прочим, народившиеся в прошлом телечудища начали жить собственной жизнью. Словно плоские камбалы, ложатся они на модное (как им кажется) дно оппозиционной политики, старясь повторять своей изменчивой окраской окружающий их рисунок, стать своими, близкими. Например, предатель свободной журналистики, старого канала НТВ, не моргнув остекленевшим глазом, входит в состав руководства оппозиционных митингов. Или же, говоря словами бежавшего из России в свободный мир поэта, «последние домашние ксюши», обязанные лично Путину всем, что они имеют, «лезут в глаза и уши» с трибун оппозиционных митингов.

Подобная, прилипшая к сочащимся гражданским ранам внешняя, земляная короста совсем не безобидна, она грозит заражением. Потому что размывает гражданские ориентиры, жертвенные примеры, дает повод для лживой критики, длит прежний разврат, говорит о том, что все одним миром

мазаны, в будущем можно делать все, что угодно, главное – вовремя перенестись «тушинским перелетом» в удобный политический лагерь. и пример этому есть – автор сталинского гимна вместе со своим благодарным за отцовскую науку режиссерским потомством. Пусть же эти чудища остаются в том мире, который их вызвал, которому они присягнули. Вместе со своей «холуйской спесью». Пусть они вечно вращаются на орбитах маленьких и больших дуче с их деньгами и властью. С ними пускай и сгинут. В то самое воландовское небытие, которое целовали до боли и немоты в передних зубах.

Блог в Live Journal alexs_melnikov, 23 марта 2012 года

ОТЛУЧЕНИЕ ОТ ГОСУДАРСТВА

Реформа Русской православной церкви – ее внутреннее дело. Но начать ее может только реальное отделение церкви от государства. Тогда она вынуждена будет меняться, приводя нормы жизни клира в соответствии с декларируемыми этим же клиром ценностями.

Русская православная церковь будет реформирована только после смены политических порядков в России, ее превращения в либерально-демократическое государство. При сегодняшнем положении дел, когда высшие церковные начальники фактически являются частью правящего в России класса бизнес-чиновников, следующие христианским заповедям клирики лишены возможности руководить церковью.

Ситуация в церкви похожа на ту, что сложилась в российской экономике и политике: жизнь клира и мирян опутана липкой паутиной чиновного надзора. Религия должна стать исключительно частным делом граждан, равно как россияне должны получить право заниматься бизнесом, создавать политические партии и получить наконец в свое владение приватизированное бюрократами государство.

С РПЦ происходит то же, что и с другими институтами российского общества. Незавершенная революция, начавшаяся в конце 80-х годов, и здесь привела к власти людей с печатью советского прошлого в душах и бизнес-планами в головах.

Патриарх Кирилл выражает радость по поводу того, что большое число россиян приняло участие в пасхальных богослужениях, считая это ответом той части нашего общества, которое в последнее время критиковало лично патриарха за стяжательство, ложь и лицемерие. Это рутинный образец мысли коммунистического или связанного с ним преемственностью современного партийно-политического руководства. Его представители всегда отождествляли отечество с начальством и считали, что забота общества о первом означает всенародную любовь ко второму – к их идеологии, повадкам и причудам. То же самое происходит сегодня с христианской верой или же, скажем осторожнее, тяготением наших соотечественников к древним обрядам русского православия. Оно также используется для оправдания того, что оправдания не имеет.

Но здесь видна и другая черта российского чиновничества: мнение народа его мало интересует до тех пор, пока он демонстрирует покорность и подчинение. Вот и патриарх после скандалов с его участием, очевидно, вздохнул с облегчением, увидев толпы людей, пришедших в храмы.

Реформа Русской православной церкви – ее внутреннее дело. Но инициировать перемены может только отлучение церкви от государства. Тогда она вынуждена будет меняться, приводя нормы жизни клира в соответствии с декларируемыми этим же клиром ценностями. И только тогда уйдут в прошлое сегодняшние агрессивные атаки части иерархов на общество за колющую глаза правду. В этом отношении РПЦ демонстрирует совершенную неопытность в публичной политике: там, где следовало бы замолчать вопрос, он всякий раз ненужным образом поднимается. Здесь религи-

озным деятелям есть чему поучиться у дружественного путинского чиновничества, накопившего богатый опыт сокрытия неудач.

Патриарх Кирилл напрасно себя успокаивает – события последнего времени не пройдут бесследно. Они ясно показали думающей части общества, что реформа церкви необходима, а ответственной части политического класса – что одной проблемой в российской политике стало больше.

Потому что общество не может мириться с тем, что институт, должный быть носителем нравственности и духовности, демонстрирует едва ли не все пороки, характерные современной эпохе. И когда протоиерей Всеволод Чаплин задается вопросом, почему в годы большевизма люди в массовом порядке с оружием в руках не защищали церковь, ответом ему может служить сегодняшний имидж Русской православной церкви, накрепко связанной с политическими властями, не имеющей собственного голоса и изменяющей своим принципам. Это самоубийственное сочетание.

Трудно сказать, какой вердикт вынесут потомки нынешнему патриарху. Но достоверно известно, как оценивали пастыря, позиция которого могла бы считаться образцовой и во времена сегодняшних политических перемен, – святителя Филиппа. Митрополит Московский и всея Руси Филипп II (Колычев) не побоялся выступить против Ивана Грозного и его опричнины. Русский религиозный мыслитель и историк Георгий Федотов писал о Филиппе: «Его первое столкновение с Иваном в Успенском соборе произвело такое впечатление на современников, что далекий новгородский летописец отметил в своих скудных записях: «Марта 22 дня, на самое середокрестное

недели, учал митрополит Филипп с государем на Москве враждовати о опришнине».

Сегодня же предметом вражды часть церковных иерархов выбрала не «государя», а думающую часть общества. С «государем» и его приказными у нее все нормально вне зависимости от их деяний.

В отношениях с ними наступившая много лет назад весна так и не перейдет в другое свойственное политическому времени года состояние.

Газета.ру, 17 апреля 2012 года

Майские столкновения оппозиции и охранителей были предопределены. При нежелании кремлевских начальников менять изжившие себя порядки обострение отношений между властью и обществом неизбежно.

Между силовым противостоянием народа и власти августа 1991 года и мая 2012-го нет принципиальной разницы. И в том и в другом случае граждане добивались создания ответственной перед народом власти. И тогда, и сейчас протестующие колонны были составлены из представителей различных политических и гражданских сил. Как тогда, так и сегодня часть людей была готова применить силу для того, чтобы отстоять право быть хозяевами своей страны. Героями и экстремистами их сделал лишь исход противостояния. Оценки всегда давал победитель. Но у истории свой нрав, конечное слово она еще не сказала. Очень может быть, что спустя годы сегодняшние экстремисты станут героями.

Сколько бы ни говорилось о том, что в майских силовых столкновениях, имеющих конечной целью смену власти в государстве, приняло участие небольшое число людей, сложно отрицать, что к подобному исходу вела политическая эволюция последних лет.

Вне зависимости от личностей, возглавивших противостояние, и состава участвующих сил, как это становится понятным теперь, оно бы все равно рано или поздно случилось.

В начале нулевых уставшему от событий предыдущего бурного десятилетия обществу была предложена успокоительная идеология, фундаментом которой были реабилитация «совка», усиление роли государства и укрепление порядка. Иллюзию эффективности в общественном сознании ей придавала благоприятная внешняя экономическая конъюнктура.

Между тем само экономическое благополучие привело к тому, что часть общества получила возможность думать не только о зарплате, но и о том, что вместо современной страны ему предложили строй, сочетающий ностальгическую советчину, полицейщину и «вертикаль власти», представители которой реализуют свои частные интересы через государственные компании. Недовольство «сытых», резонируя с настроениями политической оппозиции и подпитываясь неудовлетворенностью тех слоев населения, чьи надежды на улучшение жизни были обмануты, постепенно вело к подрыву идеологических основ сегодняшней российской власти.

Процесс был ускорен экономическим кризисом 2008 года. Тогда более или менее широкие слои общества стали проникаться мыслью о том, что идеологический ресурс постельцинской власти исчерпан.

Все последующие годы это уже была власть ради власти – сама в себе, для себя и во имя себя. В таком состоянии она пребывает и сегодня. Пустая Москва, по которой мчался получать инвестицию преемник самого себя, стала символом образовавшегося вакуума.

Невозможно сказать, что просыпающееся общество не предоставило зашедшей в идеологический тупик власти возможности мирно двигаться по пути постепенных реформ.

Возможностей для мирной трансформации было множество – в ходе и парламентских, и президентских выборов.

Во время думской выборной кампании и после нее можно было, по крайней мере, умерить фальсификации, допустив в Госдуму представителей демократической оппозиции. После чего быстро подготовить проект политической реформы, включающий прямые выборы губернаторов, возможность создания политических блоков и проведения спустя два года выборов нового парламента. В ходе президентских выборов борьба могла стать серьезной, перейти во второй тур с последующим формированием правительства на основе политического соглашения с оппозицией. Конечная цель подобной политики ясна – постепенный и мирный демонтаж власти бизнес-чиновничества, уничтожение этого политического класса, превращение государства из самостоятельного политического центра в служебный, подчиненный народному выбору институт. Другими словами – мирное завершение гражданской революции второй половины 80-х – начала 90-х годов.

Однако власти неверно оценили настроения граждан и избрали другой путь – демонстративного пренебрежения поднимающим голову обществом. Отсюда – имитация политической реформы, фактический отказ от освобождения политических заключенных, демонстративное поощрение государственной наградой фальсификатора выборов.

Не привыкшая к публичной, уличной политике, сформировавшаяся в тепличных условиях нулевых власть истолковала растущий общественный протест как аномалию, как случайный всплеск, как волну, которую можно переждать, а там уж наступит прежний штиль.

В этом отношении активная часть общества оказалась практичнее и умнее власти, приняв ее шаги за то, чем они и явились на деле, – шутовскими политическими фокусами и откровенным издевательством. Поэтому совершенно естественен и предсказуем переход от согласованных мирных митингов с выдвиганием требований и приглашением власти к диалогу к бессрочным несанкционированным уличным протестам. и вина за подобное положение дел лежит вовсе не на обществе, которое постаралось добиться перемен с помощью неполитических фигур, путем движения «белых лент», представляющего в своей основе массовый протест обычных граждан.

Здесь, между прочим, следует обратить внимание на то, что в силу своей очевидности часто не осознается. Сегодняшняя российская власть совсем не вековой монолит и не освящена долгой исторической традицией. Она и не продолжение исторической России, и не законный преемник советской власти. Современная власть уличного, протестного происхождения, она окончательно родилась на свет, хотя и неслучайно, но в силу только лишь успешного переворота августа 1991 года, как ответ на запрос нового времени, как результат массового движения, без которого сидящий в Белом доме Борис Ельцин и его соратники были бы никем.

Нынешняя власть, закованная в броню «вертикали», в действительности имеет ту же природу, что и протестующая против нее улица. Это тот же демос, как по происхождению, так и по повадкам, хотя бы и одетый в дорогие костюмы и галстуки. Только демос отчужденный, отвердевший, остывший, а не кипящий, как накатовающая на него лава улицы.

Истинная борьба, ведущаяся в российском государстве, – не противостояние оппозиции с властью, она внутри улицы, в уличном демосе, в тех тенденциях, которые сражаются в его беспокойной стихии. Если там победят демократические либеральные силы, то можно будет говорить, что власть в том виде, в каком она сложилась за два постсоветских десятилетия, была лишь переходной моделью.

Но при любом исходе противостояния на улицах вопрос лишь в сроках и в формах неизбежных перемен.

Видимость основательности сегодняшним российским властям придает экономическая случайность – все еще большие ресурсы, которыми она распоряжается. Здесь, однако, применимо замечание левого немецкого интеллектуала Эрнста Никиша, сделанное в годы расцвета гитлеровской Германии: «Государство, которое живет только благодаря удачной конъюнктуре, существует, так сказать, перебиваясь от случая к случаю. Оно процветает только при благоприятном стечении обстоятельств. Исчезнет такое стечение обстоятельств – с блеском его будет покончено».

Особенность нашего актуального положения в том, что блеска уже нет, остались лишь порождающие миражи преходящие обстоятельства и основанная на них изрядная властная твердолобость.

Газета.ру, 25 мая 2012 года

СТРАХ И ВОЛЯ ОТКРЫТЫХ ПРОСТРАНСТВ

В своей площадной, уличной и бульварной ипостаси российская политика возвращается к живым историческим истокам всякого народовластия, золотым временам беспоконной афинской демократии и бурной римской республики. Растянутая череда веков сжата. Косному «сенату», консулам и ликторам с фасциями снова противостоит народное собрание – слитые с толпой народные трибуны. Античные римские холмы с одобрителной и лукавой усмешкой смотрят на помолодевшую Москву, а отсюда ответным приветом плывет над весенним народным шествием в сияющем голубом небе плакат-призыв: «Где вы, русские Бруты и Катоны?».

На улицах наиболее активная часть народа выступает творцом российской истории, создавая своим талантом стихию, через очистительный огонь которой обязан пройти любой политик, неважно оптимат или популар, рассчитывающий на власть после краха тиранической власти чиновной бизнес-олигархии.

Движущиеся массы, их разнонаправленность, развевающиеся многоцветные знамена, белые ленты и самое разнообразие лозунгов, одежд и лиц представляет не только новое содержание, но и новый эстетический феномен российской политики. Многоликая, бесформенная, волнуемая толпа противостоит унылым массовым шествиям периода уходящих остатков советчины – одноликим военным парадом на

Красной площади и костюмным собраниям представителей чиновной аристократии. Расширяющийся разноцветный хаос противоположен охладевшему черно-белому космосу.

Эту эстетическую новизну, так и бьющую молодой силой, нельзя недооценивать, она сама по себе знак и источник перемен – победа массовых политических движений часто начинается в области эстетики или же сопровождается новыми художественными формами. Это и жгущий красный цвет коммунистов, и барабанный шаг национал-социалистических колонн, и одушевленные рок-музыкой антисоветские протесты конца 80-х, и украинское оранжевое движение.

Сонное, инертное сознание выходящего из политической спячки российского народа привыкло рассматривать политические изменения только в плоскости административных перемещений и выборов. Также на них смотрели и правители – для них главная опасность жила среди упорядоченных процедур и еще несколько лет назад, объясняя резкие атаки на бывшего премьера Михаила Касьянова, знающие люди из властных кабинетов объясняли, что главная проблема с ним связана с тем, что «его еще аппарат помнит».

Но когда отставки и назначения никак не связаны с гражданскими нуждами, а честным выборам правители стараются препятствовать, то естественным направлением народного движения становится на вертикаль институтов (парламентов, правительств, администраций), а горизонталь площадей. Это движение вовсе не означает послевыборного отчаяния, отказа от политического движения, это продолжение упорного наступления с целью штурма как раз этих властных институтов.

Такое постепенное расползание, стремление к владычеству над улицей есть серьезный шаг оппозиции к завоеванию политической власти в целом. Это инстинктом понимают и сегодняшние правители. Отсюда их страх. И совсем не нуждами имиджевого свойства объясняются продолжающиеся разгоны московских бульварных гуляний. Иной раз остервенелость охранителей, хватающих в «неположенном месте» всех, у кого повязана белая лента, заставляет вспомнить времена Императора Павла Петровича. Словно бы оживают картины, нарисованные историческим романистом: «В воскресенье полиция и драгуны ловили на улицах всех, кто еще был одет по старой моде. Обрезывали воротники, рвали жилеты. Дядя Андрюша поехал с тетей в собор. Воротился точно после драчки: соболий воротник отрезан, жилет – ключья...».

Столь же настойчиво осенью 1991 года захватившей на волне народной поддержки ельцинской бюрократией был ликвидирован лагерь, выросший в августовские дни около Белого Дома. Потому что речь идет о сгустках народной воли, о плацдармах, которые послужат сборными пунктами, когда придет время поднажать на прогнившую систему и грохнуть ее фасад на землю. Помимо расширения своей территории, другое важное качество захваченных уличных пространств – организация и обучение гражданскому действию.

Даже и в нынешнем своем недолговечном качестве эти пространства послужили школой для уличных активистов и сочувствующих граждан. Если же российский «Гайд-парк» все же будет создан, то можно не сомневаться в том, что исполнять он будет в первую очередь вовсе не роль места, где выражаются мнения, а именно плацдарма для подготовки

к предстоящим наступлениям. И это объясняется не злонамеренностью участников, а удушающими свойствами окружающей властной системы. Другого живого «Гайд-парка» в сегодняшней России быть не может.

Наконец, еще одним феноменом российских протестных пространств является лидерство Москвы. Той самой высокомерной Москвы, которая всегда была чужда провинции. Москва открытых пространств совсем другой город – принимающий всю страну, встречающий ее отклик и решительно стремящийся возглавить необходимые всем перемены. Подобная политическая молодость, проснувшийся вкус Москвы к национальному лидерству замечателен тем, что на месте аморфного общего протеста создается освященный государственной традицией центр перемен.

Сегодняшнее российское протестное движение более глубокое явление, чем это кажется на первый взгляд. Здесь сходятся политика, история и география. И это единственная живая политическая сила в омертвелой и обворованной России. И каким же контрастом по сравнению с этим духовным общественным подъемом смотрятся действия сегодняшних правителей – чудные назначения, визиты, пустые планы и потертые слова! Вот уж место, где все отмерено, распределено, заранее известно, мертво и безнадежно. Мене, текел, фарес.

Сайт РОДП «Яблоко», 21 мая 2012 года

ПРИНЦЕССА НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ

Когда Он в первый раз стал президентом России, ей было 6 лет. Она выросла в его стране. В стране бывших и вдруг ставших настоящими чекистов. В стране бесконечных сериалов о подвигах прокурорш, следователей, военных и сотрудников госбезопасности. В стране гламурных канде-лаки и пошлых собчачих. В государстве лицемерия, лжи и равнодушия.

Он сажал Ходорковского, его нукеры грабили ЮКОС, а она в это время писала детским почерком в дневнике домашние задания. Она перешла в среднюю школу, Он в число дважды президентов всея страны. Ее жизнь шла к аттестату зрелости, а на улицах в это времени бесновался путинюгенд, прилизанные дикторши вещали об успехах, мерзавцы клубились во власти. Всем им не было никакого дела до нее, до молодости России, до ее наступившего будущего. Наконец, Он отодвинул в сторону свое рекламное приложение, назначил себя главным в четвертый раз, продолжив вести страну в пропасть. Это было слишком.

И вот 6 мая. Она, Александра Духанина, 18-летняя студентка, в сущности, еще ребенок, берет камень и, робко, будто сомневаясь в том, нужно ли это делать и одновременно гордясь своей смелостью, бросает его в толпу свистуновых и держиморд, готовых защищать кого угодно, любого диктатора. И кто из порядочных людей не скажет, после всего того, что творили эти власти в предыдущие годы, что правда на ее стороне?

Теперь они хотят искалечить ей жизнь, пустив в мясорубку судилищ, посадить в тюрьму. Отомстив ей за собственное неумение управлять страной. Чтобы и дальше никто не мешал им набивать свои карманы в тени забора из полицейских касок, щитов и дубинок. Только такой порядок они признают. Только такое общественное спокойствие.

Блог в Live Journal aleks_melnikov, 29 мая 2012 года

Вернувшийся с войны народ-победитель снова попал в жесточайшие тиски большевистского режима. Вопрос о том, должны ли граждане в любых обстоятельствах защищать террористическую или коррумпированную власть, не является сугубо историческим. Особенно на фоне последних событий в арабском мире.

Правящая в сегодняшней Российской Федерации номенклатура, прямая наследница номенклатуры коммунистической, каждое 9 Мая объясняет своим подданным, от каких бед избавила их «победа советского народа» в Великой Отечественной войне. Телевидение говорит о Великой Победе, миллионах погибших, мелькают заставки с золотыми звездами и весенними цветами. Демонстрируется старая советская и современная гламурная кинопродукция о войне, проходят по Красной площади военные парады, раздаются «георгиевские ленточки».

Но к частному миру людей этот пропагандистский барабан, как представляется, не имеет отношения. К тому же, его грохот заглушает обсуждение других, неудобных для номенклатуры вопросов. 66 лет назад завершился, говоря хлещущими через всякую меру словами Александра Твардовского, «бой... святой и правый, смертный бой не ради славы, ради жизни на земле». Оставим в стороне планету Земля и обратимся к нашей стране.

Что получили в итоге войны, победной для СССР, подданные установленного в стране большевистского режи-

ма? За какую власть в своей стране они воевали? И чем эта власть отплатила своим подневольным гражданам?

Вопросы эти только на первый взгляд кажутся историческими. Они современны. Потому что «если завтра война», опять начнется разговор о «защите Родины», а подразумеваться под этим будет защита бытия ныне правящей группы товарищей. Старый разговор на новый лад. с чиновными бизнес-женами, яхтами для президента, коррумпированными налоговиками и прокурорами, откатными трубопроводами, дворцами-дачами губернаторов, футбольным клубом «Челси», ФСБ в роли политической жандармерии. Всего этого отвратительного шабаша разложения и отсутствия стыда.

«Защищай свою страну вне зависимости от того, какой здесь режим», – любимый лозунг тех правителей, которые сначала устанавливают террористические или коррумпированные режимы, а затем, в минуту опасности для себя лично, начинают обращаться к тому, что для истинных сынов Отечества действительно свято, – к славной военной традиции страны, ее вере, родной культуре. Так поступил в минуту опасности для себя и своего режима Сталин, так же, вне всякого сомнения, случись что, поступят и сегодняшние наследники коммунистической власти. То есть власти будут творить все что хотят, а население должно по первому требованию защищать их от внешней угрозы.

Льстиво поименованные в 1941-м Сталиным «братьями и сестрами», советские люди в результате благоприятного для СССР исхода войны получили все те же выкованные в 30-е годы железные рукавицы. Повоевали и победили? Спасибо вам, пожалуйста обратно в топку советской систе-

мы, теперь мы будем вами править по-прежнему. Потому что наша власть доказала свою прочность в ходе противостояния с внешним врагом. И теперь-то вам никто не поможет, если кто-то в 20-е или 30-е от отчаяния надеялся на внешнее вторжение.

Любителям клеить Сталина на троллейбусы и запускать его колесный образ по российским городам полезно будет ознакомиться, например, вот с этим отрывком из опубликованного архивного документа сентября 1949 года. В нем представитель Совета по делам колхозов по Брянской области А. Козлов обращается к председателю этого Совета А.А. Андрееву. Речь идет о колхозе с современно звучащим террористическим именем «Боевик»: «Большинство мужского населения этого села оставалось на оккупированной территории, поделив колхозную землю и остававшееся имущество, занимались хлебопашеством на правах единоличников. Немцы по отношению к ним проводили политику заигрывания, снижали налоги, снабжали тяглом и особенно это проводили в отношении к тем, кто на них работал в виде полицаев, старост, дорожных мастеров и т. д. Часть такого элемента живет в колхозе... некоторые из них заявляют, что при немцах они жили лучше». и здесь же вывод из сказанного: «Таким образом, обстановка, в которой приходилось восстанавливать колхоз, была очень сложной».

Если задуматься, то трудно обвинять замордованное двадцатилетним большевистским правлением население и вернувшихся домой из кровавого ужаса людей в том, что не нашли они силы поднять оружие против того врага, который после 1945-го еще 46 лет медленно разжимал свои когти, запущенные в тело России в октябре 1917-го. Не было

в 1945-м моральных и материальных сил. После исхода белых армий и цвета культурных сил из России, уничтожения крестьянства, остатков офицерства и других «бывших», но тем не менее мешавших властям, не было внутри страны возможностей для установления другого порядка. Когда же нацистская Германия, а затем и последующая глухота и недалекость западных демократий не позволили развиваться возникшему в ходе войны антисталинскому и антибольшевицкому движению, стало понятно, что всякое организованное сопротивление победной власти коммунистической номенклатуры невозможно.

Победный для номенклатуры 1945-й был, как теперь выясняется, ее счастливым билетом на поезд, ехавший еще несколько десятилетий вперед. Номенклатура и была главным победителем в той войне. Народ же для нее был удобным инструментом в достижении своих целей.

Существуют исторические свидетельства того, что солдаты советской армии надеялись на то, что по возвращении домой начнутся послабления. Ведь не может их не быть, рассуждали многие, после таких жертв, после такой войны. Надежды оказались тщетными. Внешние фронты закрылись, вновь открылись внутренние. И пошло-поехало. Переселения народов, «ленинградское дело», врачи-вредители, безродные космополиты. Уголовно-коммунистическая власть двинулась в будничным свой подход.

Газета.ру, 10 мая 2011 года

Мягкие современные тирании, внешне далекие от своих крайних исторических проявлений, все равно имеют общую с ними основу – подавление человеческой свободы, пренебрежение личностью.

Спустя семь десятилетий после окончания большой войны в Европе все ее европейские и американские участники, как победители, так и побежденные, живут в рамках либерально-демократического политического устройства. Если отвлечься от белорусской и восточных сатрапий, из участников той войны только один народ, одно государство, один лидер это устройство отрицают, предпочтя ему жизнь в условиях суверенной тираннии. Заглянули в бездну, и она отразилась в них.

Подобно тому, как все либерально-демократические страны похожи друг на друга, есть общее и между тиранниями – мягкими и суровыми, прошлыми и настоящими, побежденными и ныне живущими.

И с каким бы негодованием ни открещивалась наша домашняя тиранния от неприятного сходства со своими крайними историческими проявлениями, трудно отрицать, что все они основаны на подавлении человеческой свободы, несут в себе общую отвратительную черту пренебрежения личностью. Замечательно резюмировал это в 1944 году один образованный национал-социалист, критикующий правительства Веймарской республики: «Вследствие либерального образа мыслей они всегда обращали внимание только на

«права» отдельного человека и больше думали об их защите от проявлений государственной власти, чем о благе общества. Для национал-социализма отдельный человек ничего не значит, если речь идет о сообществе».

Эта чеканная формула словно бы нарочно создана для современных российских ненавистников. Тех, кому не нравятся политическая оппозиция разных оттенков, правозащитники, сексуальные меньшинства, плохие кавказцы, нехорошие мигранты и тому подобные лица не той ориентации или с неприятной щетиной на лице, мешающие общему дремотному благоденствию. Соответственно, «прогнившие демократии Запада» с их правовым государством, основанным на естественных правах личности, ненавистные в прошлом для германских национал-социалистов, сегодня так же неприемлемы для сторонников российского суверенного бизнес-чиновничества.

Тирании любят выставлять себя спасителями Отечества. Для их обожателей история начинается только с их власти, а до этого существует только приходящая, какие-нибудь «проклятые 90-е». Вот, например: «Как велики все-таки достижения нового государства в одной только экономической области! Ведь что это значило – принять (...) государство, стоящее на краю гибели, с экономикой, которой, собственно, следовало объявить о своем банкротстве, и затем в кратчайшие сроки с помощью этого государства, с помощью этой экономики добиться оздоровления...».

Кто это говорит? Очень похоже на речь какого-нибудь функционера «Единой России», клеймящего ельцинские времена. Между тем это заместитель фюрера по партии Рудольф Гесс, речь 1936 года.

Заметим между прочим, что как национал-социалисты, так и российское бизнес-чиновничество под все разговоры о прошлых катастрофах не постеснялись присвоить экономические идеи и проекты, родившиеся в прошлые эпохи, выдавая их за свои достижения.

Помимо подобного «начала истории» другой объединяющей тирании чертой является уверенность в том, что маленькие люди не могут делать большую политику. Народные стада существуют для автобусных митингов, стояний и заранее предрешенных голосований. Но править они не должны.

Им следует доверить правление национальному лидеру, фюреру или дуче.

«В подлинном, так сказать, государстве фюрера для того, кто руководит, дело чести – принимать ответственность на себя. Все действительно великие организации мира основываются на такой точке зрения, на таких принципах. Все. Всегда кто-то один несет ответственность за то или иное решение. и ему не обязательно устраивать голосования. Вся нелепость этой парламентской демократии видна яснее ясного, если приложить ее к самым простым вещам. Вот представьте себе: парламентская демократия – это избранная кучка людей, которая должна решать величайшие проблемы большинством голосов». Не думайте, что это говорит какой-нибудь пропагандист сегодняшней российской власти. Это Гитлер в 1937 году. Там же он сказал о том, что применимо к сегодняшним отношениям «власть – народ» в России. «...Наше государство отнюдь не основывается на всенародном голосовании, это я хотел бы подчеркнуть, мы просто стараемся убедить народ в необходимости того, что происходит».

И совершенно последовательно из такого лидерства, отстраняющего граждан от власти, вытекает пренебрежение властей правом.

Замечательны 2-я глава Конституции России, утверждающая права и свободы человека, и 18-я статья, самая неприятная (если бы она действовала) для российского бизнес-чиновничества и его силовых защитников: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Но разве при тираниях право является основой отношения граждан и властителей? Нет, значение имеет в первую очередь приказ тех, кто взял на себя роль лидера. Закон же здесь – промокашка, на которой проступает все, что только ни сотворят охранители. Поэтому всегда и все делается властями «в соответствии с законом». Правда, людей это не обманывает. Получается, говоря словами Гашека, что «от стен полицейского управления веет духом чуждой народу власти». Соотношение в тираническом государстве права и приказа хорошо сформулировано Гиммлером: «...полиция может действовать, подчиняясь только приказам руководства, а не законам. ...Границы деятельности полиции определяются приказами руководства и внутренней дисциплиной».

Сегодняшнее политическое положение российского государства снова заставляет поставить вопрос о долгосрочных результатах для России Второй мировой войны, о том, что победа в войне над страшной тиранией была украдена

у народа другой тиранией – коммунистической номенклатуры. Современный поэт задавался вопросом: «Но отчего же половодьем, Вослед победе в той войне, Война со сталинским отродьем Не прокатилась по стране?..» Война давно закончилась. Но живо ее тираническое наследство, переданное со всеми лубянками и петровками следующему поколению правителей, соединивших в своих руках власть и собственность.

Они верят, что эта их победа над человеческой свободой вечна, строй их переживет века. В это же самое верили вожди тысячелетнего Третьего рейха.

Цитаты в статье даны по книге: Норберт Фрай. «Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945». Москва: РОССПЭН, 2009. Книга издана в серии «Современная немецкая историография».

Газета.ру, 5 мая 2012 года

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТУПИКИ

ЮБИЛЕЙНЫЕ РЕЛЬСЫ

Для расширения железнодорожной сети в России нужно использовать не только бюджетные, но и частные деньги, и воровства будет меньше, и отдачи больше. И решение о строительстве будет приниматься исходя из экономических потребностей, а не из желания поразить гостей чемпионатов и олимпиад.

Для российских железных дорог 2011 год – юбилейный. 175 лет назад, 15 апреля 1836 года, было объявлено высочайше утвержденное положение об учреждении общества акционеров для сооружения железной дороги от Санкт-Петербурга до Царского Села с ветвью до Павловска. И словно бы для того, чтобы отметить юбилей, российские власти и близкая к ним компания «Российские железные дороги» обсуждают планы строительства железных дорог к чемпионату мира по футболу-2018. Подсчеты говорят, что затраты могут составить 50 млрд евро. Строитель первой русской дороги австрийский дворянин Франц Антон фон-Герстнер, профессор венского политехнического института, верно, был бы потрясен как достигнутым прогрессом, так и масштабностью затеваемых проектов. Тем более, что ему большие проекты в России реализовать не дали, сведя их к сооружению небольшой дороги.

И чтобы ни говорилось о том, что строить железные дороги предполагается через механизм концессий частным компаниям, соглашения устроены так, что львиная доля за-

трат (называется цифра в 70%) фактически будет финансироваться из федерального бюджета.

Для Российской Федерации, в которой вводится платное среднее образование, наблюдается недостаток детских садов, а несчастные родители ищут спонсоров для финансирования дорогостоящих операций для своих детей, использование ограниченных общественных ресурсов на гигантские стройки вполне закономерно вызывает недоумение части наших граждан.

Вместе с тем в российском общественном мнении существует устойчивое убеждение, что железные дороги могут находиться только в государственной собственности. Соответственно, в той или иной степени, через посредство так называемой «государственной» железнодорожной компании или напрямую, строительство новых железнодорожных путей и нужно финансировать путем перераспределения налогов граждан. На деле часть наших соотечественников полагают, что это правильно, только строительство новых железных дорог следует поставить в очередь за решением задач более неотложных. Но сам принцип государственного финансирования сомнению не подвергается.

Грядущая железнодорожная пятилетка интересна тем, что инфраструктурное творчество вовсе не вызвано какими-то действительными потребностями экономики. По большей части это такая же пустая прихоть, что и финансирование небогатой Россией чемпионата мира по футболу 2018 года.

По сути, предлагается сооружение путей, главный полезный эффект которых в том, что гогочущая толпа болельщиков на диво всему миру промчится с ветерком взад-вперед по магистралям. Для того, чтобы любители футбола могли

воочию уставиться на бутсы, толкающие мяч, и предполагается положить по направлению к стадионам шпалы-рельсы. В том, что эти дороги станут окупаемыми впоследствии, гарантий нет. Когда же предлагается оплачивать предпринимательские риски из бюджетного кармана, то опасность нерационального использования средств возрастает.

А можно ли сделать так, чтобы и бюджет государства не обременять, и риск того, что дороги не окупятся, снизить? Такой механизм существует. Если в год 175-летнего юбилея железных дорог в России обратиться к принципам сооружения дороги, говоря словами одного историка железнодорожного хозяйства, «из столицы в увеселительный трактир», то можно легко увидеть, что дорога эта, во-первых, была частная. А, во-вторых, строилась она не путем определения государством направления, где, с его точки зрения, нужно было бы дорогу соорудить, а исходя из частной инициативы. Вот эти два принципа из времен Николая I можно было бы применить и сегодня.

Ключевая идея здесь – свобода поиска частными предпринимателями концессий на строительство высокоскоростных железных дорог. Другими словами, не государство предлагает некие выделенные направления, а частный бизнес ищет возможности для прибыльного помещения капитала, предлагая государству взять в концессию тот или иной найденный им участок. Государство же решает, стоит ли давать концессию или нет. Но если уж дали, то все риски лежат на предпринимателе.

Что же делать государству для того, чтобы привлечь предпринимателей к таким проектам? Реформировать концессионное законодательство на принципе, который предполагал

бы замену всех налогов уплатой единого концессионного платежа после того, как созданная дорога начнет приносить прибыль.

Этот платеж может быть очень умеренным, одновременно являясь дифференцированным в зависимости от прибыльности проекта. И сама концессия может предоставляться на срок до нескольких десятилетий, сочетая с большим сроком действия свободу на помещение капиталов из любой страны мира. В том числе и из Китая, на который наши государственные руководители смотрят с большой опаской. По завершении же концессии созданное имущество переходило бы в общественную собственность или же можно было достигать в ряде случаев соглашений о продлении концессий.

Между прочим, еще одна особенность первой российской железной дороги – отсутствие государственного регулирования в области тарифов. Известный русский экономист Александр Чупров позднее объяснял это тем, что существующее рядом с железной дорогой шоссе создавало конкуренцию, ограничивая рост тарифа. Этот же принцип можно было бы применить и сегодня. Причем совсем не только к железным дорогам, но и к другим объектам транспортной инфраструктуры.

Экономическая политика – это творчество. Иногда полезно, в свете имеющихся ресурсов, стоящих перед обществом задач, переоценить те принципы, на которых она основывается. История российских железных дорог знала различные периоды, и не всегда в ней господствовали те принципы, на которых был сооружен первый железнодорожный путь. Переместившись на 100 лет назад, мы можем прочитать в статье российского экономиста Леонида Юровского: «Историк на-

шего железнодорожного хозяйства не оставит без внимания 1911 год, он с горечью отметит, что это был год возвращения к худшим традициям нашей железнодорожной политики, разрыв с принципами казенного хозяйства на рельсовом пути...». В нашей же современности можно применить комбинированную политику, не отказываясь от принципа государственного управления уже существующими железными дорогами и не ограничивая права государственной железнодорожной компании строить.

Но вместе с тем для решения задачи прироста железнодорожной сети в России можно использовать частный капитал. Обратившись в качестве примера к тому историческому истоку, из которого выросло российское железнодорожное хозяйство.

Газета.ру, 8 февраля 2011 года

СМЕНИТЕ ПЛАСТИНКУ

Изобретательности, с которой правительство придумывает все новые способы увода денег у населения на инновационно-модернизационные цели, позавидовал бы сам Остап Бендер.

10 миллиардов долларов, взятые из общественного кармана, должны помочь создать «высокотехнологичные отрасли» в рамках затеваемого властями «суверенного инвестфонда».

Фактически, вместо того чтобы системно улучшать политический и экономический климат, стимулируя рост инвестиций, верховные власти страны заняты обсуждением идеи о создании за народный счет денежного сундука, из которого предпринимателям будут приплачивать за риски ведения бизнеса в России.

Это еще один пример того, как действительная модернизация заменяется попытками приспособить коррумпированную систему к вызовам времени.

Одновременно это бег по кругу без сколько-нибудь видимого движения российской экономики к серьезному технологическому обновлению.

Между тем ложка давно скребет по дну кастрюли. Ровно такие же задачи ставились перед предыдущими проектами использования денег граждан на что-то там «инновационное». Пройдемся по этому кладбищу созданных в нулевые годы и ныне мирно покоящихся проектов.

В 2006 году была создана «Российская венчурная компания». Само это учреждение именует себя «государственный фонд фондов и институт развития Российской Федерации, один из ключевых инструментов государства в деле построения национальной инновационной системы». На 100% принадлежит государству. Уставный капитал больше \$1 млрд.

Спустя четыре года, по данным Счетной палаты, в венчурные проекты инвестировано 5,5 млрд рублей, другие 25 млрд рублей нагуливают инновационный жирок на банковских депозитах.

Но, видимо, создания одного фонда показалось мало. Экономика у России большая, и задачи перед ней стоят грандиозные. К тому же дело было до кризиса, шальных денег полно. В следующем, 2007 году создается еще один фонд – «Российская корпорация нанотехнологий». Председатель правления этой организации А.Б. Чубайс, как обычно, за словом в карман не лезет: «Роснано» – масштабный государственный проект, конечной целью которого является перевод страны на инновационный путь развития и вхождение России в число лидеров мирового рынка нанотехнологий. Сегодня в корпорации сосредоточены одни из лучших специалистов страны, способных наладить взаимовыгодное сотрудничество между наукой, бизнесом и государством. Это основное условие успеха».

Ура, дедушка «радикальных реформ», ура! Вложения общественных денег в проект – более \$4 млрд.

Небольшое лирическое отступление перед могилой общественных денег с надписью «Роснано». Часть средств («временно свободных») в 2008 году вместо инноваций утекла напрямиком в восемь коммерческих банков. Разумеется, по

рекомендации дружественного к эффективному использованию средств Минфина. Ему-то сложно было применение «временно свободным» деньгам найти. Дал поддержать «Роснано», а тому они тоже руки жгут, перебросили банкирам на время, пока очумевшая экономика не произведет достаточное количество нановедер, которые можно будет наполнить бюджетными деньгами.

Но пойдём дальше. В 2009 году пришло время сочинить ещё один фонд для развития инноваций, теперь уже с географической привязкой к определённому месту – Сколково. В конце 2010 года, как бодро сообщается на официальном сайте учреждения, «президент России Дмитрий Медведев определил первую реперную точку, от которой начнется отсчет системы координат инновационного центра «Сколково». Запланированные расходы на три года – примерно \$2 млрд.

Оттолкнувшись от «реперной точки», вошла Россия в 2011 год. Здесь на два месяца, до Международного женского дня, процесс фондостроительства за деньги налогоплательщиков поутих, с тем чтобы грянуть на похмельное утро очередной сногшибательной новостью. 10 миллиардов в трубу «модернизации»! Догнать и перегнать предыдущее фондотворчество.

Есть ли альтернатива этому безумию опьянения чиновной власти? Нужная для экономики и, следовательно, не совместимая с целями и бытием коррумпированных столоначальников и «правоохранителей»? Конечно же, она существует.

Инновации – продукт двух составляющих: высокого уровня образования и высокой степени конкуренции.

Из приведенного выше перечня затрат выясняется, что деньги на финансирование образования в бюджете есть. Вот

и нужно не создавать новые коррупционные дыры, а ликвидировать все созданные на сегодняшний день фонды (включая сколковский), изъять деньги в бюджет и направить их на образовательные цели.

Одновременно освободив экономику и позволив, таким образом, тем, у кого со студенческой скамьи есть идеи, эффективно создавать бизнесы, эти идеи реализующие. А за деньгами – в частный сектор, прежде всего на биржу. И здесь никакое навязчивое посредничество коррумпированного чиновничества с его разговорами о «государственных интересах» не требуется. Сами справятся, на то и предприниматели.

Кроме того, раз в бюджете находятся \$10 миллиардов на «суверенные фонды», то хотя бы на часть этой суммы не мешает снизить налоги на бизнес. Стимулируя интерес инвесторов к российской экономике. Не тех, конечно, специфических инвесторов и консультантов как российского, так и западного происхождения из финансовых институтов, желающих нажиться на деньгах российских налогоплательщиков, проталкивая в «госорганах» различного рода «схемы», а предпринимателей, рискующих своими и заемными средствами.

Другое ключевое условие для роста инноваций – освобождение экономики от разного рода ограничений, монополий, эксплуатации со стороны коррумпированных «правоохранителей».

Взамен этого – жесточайшая конкуренция, признающая только диктат потребителя и не обращающая внимания на звания и положения владеющих компаниями лиц. Будет такая конкуренция – будет и здоровый спрос со стороны пред-

принимателей на инновации как на инструмент конкурентной борьбы. Деловые люди сами эти инновации будут искать и создавать вокруг них предприятия.

В российской власти все обветшало и состарилось. Она поизносилась и, словно пластинка со сломанной дорожкой, повторяет одно и то же. История с фондотворчеством – яркий пример. Пора или сменить пластинку, или выкинуть патефон.

Газета.ру, 11 марта 2011 года

Декларированная президентом идея продажи госкомпаний – безусловно, шаг вперед. Но, пока не произойдет перемен в политической сфере, страной по-прежнему будет владеть правящая чиновно-репрессивная прослойка.

Подобно тому как ключевой политической идеей «нулевых» лет было создание «вертикали власти», основной экономической идеей ушедшего десятилетия было укрепление так называемых госкомпаний. Два этих столпа, возведенных сегодняшними властителями, служили альтернативой ведущим трендам «проклятых девяностых» – федерализации и приватизации.

Недавние заявления Дмитрия Медведева о необходимости отказа от контроля государства в ВТБ и «Роснефти» говорят о признании краха экономической модели, основанной на «государственных компаниях».

По прихоти властей вместо создания конкурентной экономики Россия потеряла больше 10 лет на противоречащий общественным интересам эксперимент.

Не следует, однако, думать, что создание так называемых госкомпаний вообще противоречило каким-либо интересам. Почтеннейшей публике этот институт преподносился в качестве едва ли не «народного». Утверждалось (или подразумевалось), что госкомпании будут концентрировать ресурсы на решении важных для общества задач, при этом действуя лучше, чем частные фирмы. Но творцов госкомпаний из чис-

ла высших руководителей комплексы неимущей и завистливой массы интересовали в последнюю очередь.

Прежде всего им были нужны благодетельные финансовые потоки, которые потекут через их руки или руки их доверенных лиц, создавая для всех участников дела частные состояния. Именно поэтому с самого начала госкомпаний представляли собой странные учреждения, так или иначе связанные с частным бизнесом.

Вроде каких-нибудь удачливых нефтетрейдеров. Государство здесь нужно было для того, чтобы предоставить защитную оболочку, а частный сектор – для обеспечения обогащения. В госкомпаниях степень благоволения государевых людей к частному бизнесу достигла в «нулевые» годы невиданной высоты. Частные интересы были завернуты в обертку с названием «государственное», и в таком виде в течение последнего десятилетия этот товар сбывался по каналам средств массовой пропаганды.

Со временем, конечно, неспособность госкомпаний решать декларируемые задачи становилась очевидной. Первыми начали роптать различного рода общественники, с возмущением ожидавшие вслед за посадкой Ходорковского и Лебедева дальнейшего роста «социальной справедливости» по-прокурорски. Но вместо этого, как грибы после дождя, пошли в миллиардный рост какие-то неведомые ранее таланты с питерских окраин.

Да и в самом государстве со временем проявилось недоумение. Министр природных ресурсов Юрий Трутнев больше года назад говорил, что «Газпром» и «Роснефть» провалили освоение российского шельфа. Бензиновый кризис по иронии судьбы начался на Алтае – вотчине «государственных»

«Газпромнефти» и «Роснефти». А недавно заместитель министра финансов Сергей Сторчак предложил обязать госкомпаний создавать резервы под валютные займы – размещать часть средств от привлеченных за рубежом кредитов на счетах в Центробанке. Сам ход мысли показателен: госкомпаний не являются организациями, действующими экономически рационально, – им необходимы внешние «костыли», без них могут упасть.

Но если предложение Сторчака говорит о плохой способности так называемых госкомпаний самостоятельно стоять на ногах, то новейшая история компании «Роснефть» говорит кое о чем другом. Эта организация, получившая лицензии на освоение шельфовых месторождений, вместо собственной осмысленной деятельности, демонстрирующей преимущества государственного участия в разведке и добыче, начала смотрины тех, кто мог бы, называя вещи своими именами, поработать вместо нее. Вначале была ВР. Затем, когда тучи над «делкой века» сгустились, всплыли тихие товарищи из-за Великой китайской стены. Потом стали говорить о Shell. «Хоть кого, хоть черта в ступе привези». Вывод же один – сами разрабатывать шельф не могут.

Поэтому когда Медведев говорит о необходимости приведения внешней государственной формы госкомпаний в соответствие с их внутренним частным содержанием, то это еще часть истины. Вместе с приватизацией такие компании, как «Роснефть», должны быть лишены тех преимуществ, которые были дарованы им законами «нулевых» лет. Они должны быть поставлены в равные конкурентные условия с другими. А те лицензии, которые были выданы в «нулевые» годы, должны быть внимательно рассмотрены на пред-

мет выполнения записанных там условий и – в случае существенных нарушений – изъяты. Перестройка отношений собственности должна проводиться вместе с изменениями законов.

Итак, новая экономическая политика? Опять, как во времена большевиков, окончательно обанкротившихся в экономическом отношении к 1921 году и вынужденных, при сохранении политической диктатуры, идти на ограниченные экономические перемены? Легко соблазниться внешней аналогией. Но схожего не так много.

Среди большевиков было, по-видимому, немало людей идеологически убежденных, действительно стремившихся построить социализм. Вот что писал после введения НЭПа уничтоженный в последующем большевистским режимом русский экономист Лев Литошенко о «старой экономической политике»: «И мы должны с полной откровенностью признать: постройка велась умелыми руками. Дело не только в том, что с фанатическим пиететом были использованы все намеки учителей социализма, и что к каждому конкретному периоду политики выбиралось эпитафией какое-нибудь изречение Маркса. Большевики действовали не только по букве, но и по духу социалистического учения. Везде, где не хватало готовых решений, – а таких случаев было большинство, – они изобретали свою собственную формулу. При этом выбор всегда падал на решение, наиболее отвечающее основным принципам социализма».

У нас в «нулевые» годы никакой сознательной идеологии, которая предлагала бы «всерьез и надолго» создать экономику с большим государственным участием, не предлагалось.

Здесь «государство» было использовано как дойная идеологическая корова по запросу невзыскательной публики и как инструмент для частного обогащения. Самое государство, вместо того чтобы при движении в направлении европейских и североамериканских порядков превращаться в общественный инструмент, было окончательно приватизировано и стало частной собственностью правящей группы и, шире, чиновно-репрессивной прослойки.

Конечно, декларированная президентом идея продажи государственных компаний или хотя бы их части неплоха. Это хоть какой-то шаг вперед. Но иллюзий быть не должно: пока не произойдет перемен в политической сфере, не будет достигнуто обобществление государства, ничего в нашей стране не изменится. Это будет все то же «королевство кривых зеркал», где отношения извращены и где «не верь глазам своим»: и «частное» не совсем частное, и «государственное» вовсе не таковое.

Газета.ру, 14 июня 2011 года

КЛАН НА КЛАН

История с переходом Банка Москвы под контроль «государственного» ВТБ показывает анатомию российской политико-экономической системы лучше, чем критика всех оппозиционеров страны вместе взятых.

От первого дела ЮКОСа российскими властями пройден большой путь. Это уже не дерзновенные молодцы, а материальные, укорененные в креслах люди-функции с неторопливым поворотом голов и уверенными движениями рук. Теперь передел собственности не обосновывается высокими соображениями о законности, необходимости пополнения бюджета деньгами и прочей легковесной чепухой из разряда «блага народные». Не говорится и о том, что так называемые государственные компании намного лучше частного бизнеса. Теперь все «весомо, грубо, зримо». Без всяких изысков вроде учрежденной в тверской рюмочной «Байкалфинанс-групп». Прокуратуру, конечно, отставить в сторону сложно. Но процесс стал технологичнее. Проигравший политико-экономический клан откровенно выдавливается из страны, а его собственность переходит победившему клану. «Караул устал».

В этой обнаженности проступают характерные черты существующей системы. Есть здесь, например, мутная история превращения первоначально задуманного в 1995 году муниципального банка города Москвы в структуру, словно спрут, опутанную к 2011 году организациями-акционерами с поэти-

ческими названиями, словно взятыми из эпохи сталинской индустриализации: «Фрамацевтика», «Пластоинструмент», «Газдорстрой», «Центротранспорт», «Стройэлектромонтаж» и «Химпромэкспорт». Удивительно и иронично тяготение собственников Банка Москвы к строительно-дорожно-инструментальной лексике. По остроумию это отдаленно напоминает названия офшоров одной из крупных компаний, оставившей россиянам в наследство такие, например, произведения русского корпоративного скоморошества, как Pelmen Holding и Malina International.

Возникновение туманного вороха компаний, подобного вышеуказанному, обычно сопутствует мягкому перетеканию собственности из общественного кармана в частный. И задача сильно облегчается, когда лица во власти гражданами не избираются, а воспроизводятся на прежних местах. Тогда они совершенно естественно начинают относиться к общественной собственности как к своему личному достоянию. А всякие «токари, пекари» пусть в это время пиво пьют да футбол смотрят, не мешают серьезным людям. Что такое для простого человека муниципальный московский банк по сравнению с поражением московского «Спартака»? Пусть хоть все заберут, лишь бы «Спартак» стал чемпионом.

И бывший президент Банка Москвы Андрей Бородин, превратившийся из нанятого городом работника в одного из крупнейших собственников «городского» банка, вполне под стать процессу. Если бы сегодня задумать новую экранизацию «Двенадцати стульев», то Бородину, несомненно, следует предложить роль Альхена, ловко управляющего государственным учреждением «2-й дом собеса». Настолько характерны его гуляющие по интернету фотографии, изо-

бражающие мечтательно-виноватую улыбку да трогательно подпертую рукой щеку. «Голубой воришка» да и только.

Вскрыли страсти по Банку Москвы и еще одно характерное явление современного российского коррумпированного капитализма – удивительные предпринимательские таланты, просыпающиеся в родственниках чиновников.

На этот раз галерея чиновных жен-предпринимательниц пополнилась для разнообразия сыном-предпринимателем Виталием Юсуфовым. Какова роль у этих людей при существующей системе? Это, с одной стороны, резервуар для наполнения «капустой» – приятно шелестящей бумагой зеленого цвета, с которой широко раскрытыми глазами взирает на модернизируемую Россию Бенджамин Франклин. С другой стороны, родственники в чиновном бизнесе могут выполнять, как это показывает история подчинения Банка Москвы, роль незаменимого переговорщика. С ними взащей выталкиваемые кланы могут легче столкнуться, они ведь не по своему желанию приходят, а, говоря языком классики, «только по воле пославшей их жены». Или других родственников.

Так система коррумпированного российского капитализма все больше оказывается связана с семейственностью. Политическая характеристика обрастает домашним уютом. Факты же размещения детей чиновников на руководящих постах говорят о том, что система эволюционирует в сторону передачи приватизированного бюрократией государства своим детям по наследству. Россия, конечно, не Азербайджан, не Сирия, но и у нас эта тенденция проявляется.

Наконец, сам факт покупки Банка Москвы так называемой государственной компанией вместо его открытой про-

дажи всем желающим участникам рынка говорит о том, что «государственное предпринимательство» никуда уходить не собирается. Почему бы, собственно, не провести операцию по возврату собственности городу Москве и не выставить этот банк на открытые торги? Раз уж новым властям Москвы обременительна эта собственность? Но нет, это не нужно.

Система по-прежнему стремится контролировать «командные высоты в экономике», каковых у нас по меньшей мере две – нефтегазовые недра и финансы. То есть то, что способно гарантированно приносить деньги или напрямую связано с оборотом денег. Так сказать, плоть и кровь российского экономического организма.

Трудно отделаться от ощущения, что есть в продолжающемся падении московской вертикали Юрия Лужкова симптом упадка установленного в начале 90-х годов российского коррумпированного капитализма. Он как бы поедает себя изнутри. Вместо того чтобы расширяться, сохраняя разнообразие борющихся внутри кланов, система эти кланы уничтожает. Возможно, потому, что не хватает ей ресурсов. и подрастающие цены на нефть не греют душу, слишком велик был шок от их падения в конце 2008 года. Поэтому система, как уставший от бега человек, начинает порывисто дышать, стремясь захватить больше воздуха. Поможет ли это? Китай шагает поступью великана вперед. Шаги семенящей российской власти на этом фоне не видны.

Газета.ру, 11 апреля 2011 года

СТОП-СИГНАЛ ДЛЯ КАЗНОКРАДА

Дискуссии бюрократов о том, как им лучше контролировать свое собственное воровство, хорошо показывают бессмысленность политической модернизации сверху.

Ведущиеся российскими чиновниками поиски идеальной системы госзакупок, способной победить коррупцию, по своей бессмысленности сравнимы со стремлением алхимиков найти реактив, способный превращать металлы в золото.

В российской политико-экономической системе, где государственная власть – разновидность бизнеса, на госзакупках чиновники будут зарабатывать всегда. При любых законах. Потому что извлечение предпринимательского дохода – смысл существования российского чиновного класса.

Какими бы добрыми намерениями ни руководствовались начальники Федеральной антимонопольной службы или Министерства экономического развития, предлагаемая теми и другими система формальных правил – это спор о деталях, а не о главном – чиновной ответственности за вольное отношение к налогам граждан. Изменить такой порядок вне компетенции глав указанных ведомств.

Ответственность чиновников задается формальными правилами и административными методами только во вторую очередь. Главное же – конкурентная политическая система, оппозиция, хорошо представленная в утверждающей бюджеты законодательной власти. Именно такой тип устройства политической власти есть та стихия, в которой

различные варианты законов о госзакупках могут превратиться в эффективный инструмент контроля общественных средств. Ключевым элементом этой системы является политическая оппозиция, готовая, словно мангуст, ловко вцепиться в правящую партию, покупающую на деньги налогоплательщиков лимузины и позолоченные кровати для милицейских гостиниц.

Именно оппозиция готова вынюхивать, высматривать, подслушивать, быть крайне подозрительной в отношении расходных деяний правящего кабинета. Такой порядок – лучшая гарантия для сдерживания предпринимательства чиновников и их талантливых родственников.

Сведение накануне федеральных выборов 2011–2012 годов вопроса о нерациональном расходовании чиновным государством налогов граждан к дискуссии самих чиновников о том, как им лучше себя контролировать, хорошо говорит о бессмысленности политической модернизации страны, направленной сверху. Это пародия на перемены. Но и общество российское не на высоте. Здесь смакование деталей и торжество по поводу мизерных побед затемняют обращение к корням системы чиновного предпринимательства.

Между прочим, последние 10 лет, время бурного развития интернета в России, привели к тому, что при установлении в стране конкурентной политической системы задача контроля действий чиновного класса со стороны оппозиционных парламентариев сильно упростится. Активные граждане, готовые изучать сайт госзакупок, будить общественное мнение или же вручать шутовские премии особо «отличившимся» чиновникам, – необходимый помощник стремящейся к полноценной власти парламентской оппозиции. В этом

отношении по сравнению с разгульными 90-ми и лихими нулевыми сделан большой шаг вперед, равно как и в области гражданской активности интернет-общественности.

Внимательный взгляд на вопрос расходования налогов граждан сразу же обнаруживает, что значительная часть этих расходов вообще находится за рамками дискуссии вокруг законов о госзакупках. Как быть с затратами на мега-проекты вроде зимней Олимпиады в Сочи или форума АТЭС на Дальнем Востоке? Каким образом и кем будет контролироваться это творчество российского бюрократического класса? Каким образом обсуждаемые ФАС и МЭР варианты закона о госзакупках способны решить эти задачи? Если придать дискуссии такое направление, то наглядным становится утверждение о том, что без перемен в устройстве политической системы не обойтись.

Но, между прочим, задача не так проста, как это может показаться. Дело не только в том, что в сегодняшней Государственной думе, региональных законодательных собраниях и местной власти недостаточно представлены те или иные оппозиционные партии. Проблема в том, что установленный в 1993 году в рамках ельцинского авторитаризма порядок заранее ставил чиновный класс в господствующее политическое положение, отводя различного рода законодательным учреждениям подчиненную роль.

Последующая же эволюция системы, включающая деградацию Счетной палаты (по идее, «глаз и ушей» парламента в деле контроля над расходами бюджета), только раскрыла детали изначально заложенного замысла.

Поэтому никакое видимое улучшение положения, связанное с избранием в 2011 году в Госдуму России тех или иных

политических сил, оппозиционных «Единой-Справедливой России», не поможет. Необходимы революционные перемены, слом ельцинской политической системы, перераспределение власти в пользу парламента. Что это может быть за система – полупрезидентская республика, конституционная монархия или парламентская республика – другой вопрос. Но только таким путем можно сформировать предпосылки порядка, при котором общественные ресурсы будут не разворовываться чиновным классом и связанными с ним предпринимателями, а тратиться в первую очередь в интересах граждан.

Наконец, еще один момент, существенно затрудняющий контроль над использованием налогов граждан, – раздутое бюрократическое государство с массой чиновников, масштабным государственным участием в экономике, чудовищным изобретением российского коррумпированного капитализма, так называемыми «госкомпаниями». Последние по сути своей просто паразиты, наживающиеся на общественной собственности («Газпром», «Роснефть») или же налогах граждан («Российская венчурная компания», «Роснано»). В этом нет ничего удивительного.

Лишенное сдержек бюрократическое государство способно раздуться ровно настолько, насколько могут позволить границы собираемых с граждан или же полученных в качестве дохода от общественной собственности средств.

На заре горбачевской перестройки, в 1986 году, улучшением качества выпускаемой продукции попытались бороться введением «госприемки» – системы контроля, не связанной с руководством предприятий. Вместо изменения системы, превращения ее в конкурентную предлагалась совершен-

ная чепуха. Вроде сегодняшних изобретений формул закона о госзакупках, которые не позволяли бы чиновному классу покупать в министерства предметы роскоши. Те же грабли.

История показала, что надежды на мудрость советского бюрократического класса были лишены оснований. Сегодняшний российский бюрократический класс во главе с самым главным российским руководителем и его кремлевской тенью идет той же дорогой. Время разное, люди другие, чиновная система не изменилась – страдает наследственным недугом, пахнет тухлятиной.

Газета.ру, 29 марта 2011 года

Костыли для инвестиций

Президент Медведев осчастливил инвесторов: теперь хлопотать за бизнес, который обижают одни чиновники, будут другие, специально на то уполномоченные.

Вместо того чтобы резко сократить распухший бюрократический аппарат, установить налоговые правила, гарантирующие инвестиционную стабильность, объявить широкую амнистию по «экономическим преступлениям», высшие российские власти вводят институт «инвестиционных уполномоченных». Это все тот же порочный курс – не дать возможности экономике ходить самостоятельно, а впихнуть ей в руки очередные костыли.

Материализация этой удивительной чиновной разновидности – легальных толкачей частного бизнеса в госучреждениях, дублеров департаментов GR в частных компаниях, санкционированных самим же государством, – означает признание неработоспособности существующей административной системы.

Потому что если административная «вертикаль» на федеральном и региональном уровне, подававшаяся 10 лет назад как великое благо для экономического развития страны, работает эффективно, то зачем нужны люди, главная задача которых из области бытовой химии – прочищать заторы в канализационных трубах чиновной системы?

При ясно установленных и простых правилах конкурентный бизнес работает самостоятельно, производя то-

вары и услуги, а на инвестиционной стадии генерируя на них спрос. Административная опека здесь совершенно ни к чему, разрешительные процедуры отменены или существенно ограничены, а контроль осуществляется по конечному результату с эффективным механизмом экономических санкций.

Такая система нужна сегодня России. Потому что она хороша при прочих равных условиях для быстрого экономического роста, для предпринимателей, рабочих и потребителей. Хороша она для наполнения бюджетов налогами. Плоха она для российской чиновной корпорации. Потому что исключает или серьезно ограничивает их участие в процессе. Деньгами, словно футбольным мячом, играют другие, а они могут только сидеть на трибунах стадиона, жевать скудный зарплатный попкорн и фиксировать получающиеся результаты. Вроде какого-нибудь Росстата. Что же здесь заработаешь? И кто на такую систему в российском чиновном классе согласится?

Ясно, что найдется масса причин для того, чтобы вместо собственной ликвидации придумать себе полезную работу, сделав бизнес даже и на собственной неспособности. Президент Медведев оценивает эту неспособность так: «...до последнего времени в наших столицах и крупных регионах по два года рассматривали документы». Он же почему-то считает невероятным благодеянием для инвесторов, а свою задачу выполненной, если «от обращения инвестора до получения всех согласований проходит приблизительно три месяца». А почему не три дня? И на что нужны эти трехмесячные согласования?

Плохо работает административная система? А мы придумаем уполномоченных по ее хорошей работе! Героическими

усилиями сократим сроки хождения бумаг с двух лет до трех месяцев.

Чтобы в восемь раз меньше времени качались не едущие никуда полупустые вагоны инвестиций, а если бизнес хочет движения, то пусть платит взятки, использует близких к чиновникам подрядчиков (самое распространенное явление), берет в долю каких-нибудь талантливых жен, детей или просто клиентов. То, что раньше отжимали за два года, постараемся отжать за три месяца. Задача выполнимая.

Это то, что есть сейчас и, несомненно, будет процветать и при «инвестиционных уполномоченных». Потому что кто же их проверит? Если уж они будут говорить, что не все с тем или иным проектом хорошо, то ничего не поделаешь. Но ведь может быть и хорошо, если поработать. Поэтому логично было бы дополнить эту систему абсурда еще одним правилом (уже действующим в некоторых российских ведомствах) – в целях борьбы с коррупцией запретить выдавать разрешение раньше намеченного срока. Положено три месяца – и кукуй этот срок на болотной кочке, а то ведь эти коммерсанты такие хитрые – повадились платить за ускорение принятия решений, коррумпируют доблестное российское чиновничество

Между тем с точки зрения самой административной системы введение института «инвестиционных уполномоченных» логично в другом отношении. Если решительно не устанавливать новые конкурентные порядки, при которых существующие сегодня бюрократические кланы потеряют все, то нужно же искать какие-то возможности решения задачи экономического развития при существующем политическом базисе.

Вот они и ищутся. Вместо жесткой конкуренции, вызывающей спрос на инновации, рождается мираж Сколково или еще какие-нибудь «технопарки» на государственные деньги. Вместо конкуренции частных компаний укореняются так называемые «государственные компании», неповоротливые монстры, делающие частный бизнес с помощью государственных инструментов. Подход тот же самый, что и с «инвестиционными уполномоченными» – подменить частную экономику государственной или как минимум ввести административную опеку.

Таким образом, система, вводя все новые и новые порядки, которые кажутся логичными с точки зрения правил ее внутреннего развития, с внешней стороны превращается во все более нерациональную, очевидно нежизнеспособную и чудовищную конструкцию.

И чем больше наблюдаешь за этой эволюцией от одной неэффективности к другой, тем больше понимаешь, что без политических перемен чисто экономические задачи не решить.

Дмитрий Медведев сказал на заседании комиссии по модернизации, что «инвестиционные уполномоченные» появятся в каждом федеральном округе. Почему бы при нашем богатстве и уйме времени впереди не попробовать? Будут они бродить в этих округах по лежбищам отсталой экономики, стараясь отыскать инвестиционные клады, способные чудесным образом обернуться птицей модернизации.

Газета.ру, 8 августа 2011 года

Сегодня нужно обсуждать не ошибки приватизации девяностых, а исправлять главное ее негативное последствие – чрезмерное влияние на власть крупного бизнеса. Не важно, частного, как при Ельцине, или государственного, как при Путине.

Залоговые аукционы середины 90-х годов не были только лишь ошибкой или злым умыслом. Как и вся программа крупной приватизации в России, они явились экономической основой социальной революции. Исправить «несправедливость» в рамках сегодняшнего порядка невозможно никакими законными методами, его может изменить только новая революция, способная провести национализацию крупной собственности в России, тотальное разрушение существующего сегодня порядка. Однако в этом случае лекарство будет хуже болезни. Остается сложный путь постепенного социального реформирования.

«Странные люди, – посмеиваясь, говорил мне в 1996 году о депутатах Госдумы, противниках приватизации, один из представителей компании, получившей собственность в ходе «залоговых аукционов». – Чтобы они здесь ни приняли, никто полученную собственность обратно не вернет, за нее заплачены огромные деньги». Не только в этих словах, но и в том, как они были сказаны, чувствовалась бульдожья хватка того самого капиталиста Карла Маркса, который при 100% прибыли «попирает все человеческие законы», а «при 300%

нет такого преступления, на которое он не рискнул бы хотя бы под страхом виселицы». Поэтому вопрос о «легитимности приватизации» неотделим от вопроса о легитимности установленного в России политико-экономического строя.

Это один и тот же вопрос. Но, между прочим, что такое эта часто упоминаемая к месту и не к месту «легитимность»? Если общество подчиняется существующему правительству, признает установленные правила игры, то значит, правительство легитимно. Вне зависимости от различных мнений на его счет, о том, например, как оно было избрано или насколько оно коррумпировано. Пусть говорят, лишь бы подчинялись. Властно, следовательно, легитимно.

Сегодняшняя российская власть устами премьера Владимира Путина говорит: «Мы должны прямо сказать, что существующее в обществе отношение к предпринимателям, к институту частной собственности коренится... и в том, что происходило в 90-е годы. Мы с вами много говорили на этот счет, когда бизнес нередко сводился к простому дележу государственного пирога». Предлагается и инструмент: «Это должен быть либо разовый взнос, либо еще что-то». а вывод таков: «...нам, конечно, и вот эту страницу тоже надо перевернуть. Есть мнение и на экспертном уровне, и с Григорием Алексеевичем Явлинским говорил на этот счет. Вот здесь он прав, я с ним согласен».

Странно, однако, было бы полагать, что в условиях сегодняшнего господства бизнес-чиновничества «разовый взнос либо еще что-то» приведет к чему-то иному, кроме как к дополнительным взяткам правительству за то, чтобы взнос был не слишком большим, а также к растворению полученных денег в транжирных недрах федерального бюджета.

Разве экспроприация целой нефтяной компании ЮКОС, то самое «еще что-то», «перевернула страницу» и изменила «отношение к институту частной собственности» в России? Разве только подтвердила прудоновское «собственность – это кража». Тех, кто сильнее, у тех, кто слабее.

Все-таки у Явлинского компенсационный налог на участников залоговых аукционов – лишь одна из мер по демонтажу олигархического капитализма и его замены современным государством для большинства. Это попытка предложить новый социальный порядок, где экономическая и политическая власть большого бизнеса ограничена, а не просто «заплати и спи спокойно».

Кроме того, существуют, по-видимому, развилки, к которым по прошествии времени уже невозможно вернуться. Самим ходом вещей новый порядок устанавливается и показывает свою состоятельность. К системе крупной частной собственности в России это относится в полной мере. Гражданское общество проиграло ей в 90-е годы, продолжает проигрывать сегодня. Никакое отступное здесь не поможет. В этом смысле прав один из участников залоговых аукционов 90-х, шестикратный орденосец Русской православной церкви Владимир Потанин: «...нельзя превратить несправедливое в справедливое, заплатив деньги». Мысль, между прочим, верная не только для «залоговых аукционов», но и в отношении и самого бизнесмена, и щедрой на награды церкви.

Дело поэтому в изменении правил игры между крупным бизнесом и обществом. И решающее сражение должно происходить вовсе не за устало обсуждаемую идею «разового взноса», а за то, какую политику должна проводить государ-

ственная власть, в пользу каких интересов она должны быть направлена, т. е. за саму политическую власть.

Этот вопрос пока еще не стал основным для отношений политической оппозиции и власти. В том числе и потому, что часть политической оппозиции – это если не прямые представители, то, по крайней мере, бессознательные выразители интересов крупного бизнеса против бизнес-чиновничества.

Ни для кого в современных российских условиях установление либеральной демократии не принесет столько преимуществ, сколько для крупного бизнеса. Потому что при формальном равенстве побеждать будет тот, у кого больше ресурсов, лучше организация. Цель крупного бизнеса в России вовсе не демократия для всех, а освобождение от власти бизнес-чиновничества, избавление от своего конкурента. Это все та же демократия для избранных. Как только это случится, начнется эра коррумпированной либеральной политики без разбора политических партий.

В том, разумеется, случае, если гражданское общество не способно будет создать свои политические силы и привести своих представителей к власти. Но если подобное случится, то новые власти должны будут проводить политику, стимулирующую создание независимых профсоюзов, способствующих перераспределению прибылей в пользу работников. Они должны будут проводить политику, направленную на изъятие справедливой природной ренты в интересах общества. Это должна быть политика последовательной социальной реформы, социального государства, в котором большой бизнес занимает ограниченное положение с точки зрения влияния на политическую власть.

Проблема залоговых аукционов и в целом приватизации 90-х – уже не проблема, это далекое прошлое, с которым ничего невозможно сделать. Из вопроса реальной политики тема откочевала в историю.

Реальная политическая проблема – то, что есть сегодня, тот мир с перекошенной в пользу крупного бизнеса властью, который был создан теми далекими событиями. Эту проблему и следует решать, оставив прошлое историкам и мемуаристам.

Газета.ру, 3 апреля 2012 года

ДВА РУДОКОПА

На прошлой неделе произошли два события, показавшие ущербность экономической политики Владимира Путина в области добычи нефти и газа и торжество подхода основанного на иных, не принимаемых им и его правительством принципах. Причем «ущербность» в прямом смысле слова, – как экономической политики, наносящей ущерб общественному карману.

На Сахалине, а рамках основанного на соглашениях о разделе продукции (СРП) проекта «Сахалин-2» ранее, чем предполагалось, начался раздел продукции между государством и инвесторами. Таким образом, теперь, помимо роялти, Российская Федерация будет получать свою долю по разделу, а также налог на прибыль (по ставке в 32%) от доли инвестора. В итоге по умеренной оценке ежегодные бюджетные поступления от проекта будут составлять около 2 млрд \$. И так лет 40, каждый год.

С другого конца России, от участников Штокмановского проекта, обсуждение разработки которого начиналось примерно в то же время, что и проекта «Сахалин-2», тоже пришли впечатляющие новости. Инвесторы сообщили, что вместо 2016 года готовы начать добычу в 2017–2018 годах, и то только в том случае, если будут дарованы льготы – уменьшен НДС и отменена экспортная пошлина на газ. Часть запрошенных льгот главой российского правительства была декларирована.

Таким образом, вместо доходов в бюджеты, которые этот проект мог бы приносить, если бы разрабатывался без так называемых «госкомпаний» (или же с их вкраплением не в роли операторов) и на основе СРП, переросток-пионер снова в числе «подающих надежды», по-прежнему вместо поступления в университет протирает штаны на парте третьего класса. Когда-нибудь, да если еще не слишком прижмет конкуренция в Европе, начнем добычу.

Это наглядная иллюстрация того, «что было бы, если бы не Путин» и что возможно делать после того, как Путин и бизнес-чиновники наконец-то уйдут. В одном случае – от использования общественной собственности, т. е. от недр, в бюджет добываются доходы, в другом из него добываются льготы. В одном случае рудокоп весело машет киркой и бодро везет на тележке добытую руду, а во втором плюет на руки, задумчиво разглядывает на них линии жизни и думает о том, как бы начать. И это в условиях, когда острая международная конкуренция говорит о том, что нельзя терять время.

Смешно слышать в 2012 году, после 12 лет неограниченной власти Владимира Путина, от одного из его министров, что необходимо сформулировать общие принципы для работы на континентальном шельфе. Что же мешало это сделать раньше? Головная немощь? И неужели, что-то еще нужно «формулировать» после успехов шельфовых проектов СРП «Сахалин-1» и «Сахалин-2»? Разве не умнее будет взять модель СРП в качестве основной для привлечения инвестиций для разработки шельфовых месторождений? У нашего правительства есть странная философская тяга оправдывать собственные провалы, общую

некомпетентность и чиновную рутину поиском решений, выводимых не из опыта, а из каких-то абстрактных принципов.

Между тем, эти самые «принципы» как раз были выработаны в начале нулевых и, как наглядно показывает, в частности, затяжной старт Штокмановского проекта, провалились. Принципы просты – опора на так называемые «государственные компании» и общий налоговый режим, вызванный будто бы тем, что СРП создает «слишком благоприятные условия» для инвесторов. И что же сегодня? «Газпром» и «Роснефть» свою неспособность показали. Общего налогового режима не вышло, приходится давать льготы, которые, к слову, стабильности в проекты не привносят. СРП на шельфе свои результаты предъявить может, а что могут предъявить участники другого, царившего целое десятилетие подхода, кроме вечного поиска «общих принципов», выдаваемых второпях льгот и светлых надежд?

Сегодня наглядно видно, что опора на частный капитал, гибкую модель изъятия ренты, гражданско-правовые принципы и, в целом, на стабильность инвестиционного климата приносит стране выгоды в отличие от ущербных решений, ориентированных на так называемые «государственные компании» и налоговые льготы. Первый подход позволяет создавать в стране благоприятный инвестиционный климат, рассчитанный на десятилетия. Второй только заставляет жалеть о выброшенном в мусорную корзину десятилетии.

Верно, что без политических перемен заменить всю эту косность не получится. Но теперь наглядно, на опы-

те видно и то, что если политические перемены в нашей стране случатся, то альтернатива путинской экономической политике в нефтегазовой отрасли есть. Эта альтернатива – СРП.

Сайт РОДП «Яблоко», 5 апреля 2012 года

Об одном из возможных доходных источников Пенсионного фонда

Годовой отчет Пенсионного фонда России за 2011 год определяет доходы фонда в 5,25 трлн рублей. Они составлены в основном из страховых взносов на обязательное пенсионное страхование (2,8 трлн руб.) и поступлений из федерального бюджета (2,4 трлн руб.). В статистике Минфина последние витиевато названы «безвозмездными поступлениями от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации». Они составляют около 45% доходов Пенсионного фонда и понятно, что без этого подпирающего столба Пенсионный фонд существовать не может. Между прочим, для федерального бюджета расход 2,4 трлн рублей это 22% всех его расходов за 2011 год. Соответственно, из получаемых доходов пятая часть поступивших денег тратится на поддержку Пенсионного фонда.

Большинство экономистов такое положение дел не устраивает. Предлагаются различные решения, ведущие к росту страховых взносов, сокращению расходов или же использованию части получаемых фондом доходов. Большинство экономистов, отличающихся реализмом мышления, полагают, что ничего страшного в финансировании Пенсионного фонда федеральным бюджетом нет, т. к. экономическая природа взносов на обязательное пенсионное страхование и налогов одинака. И в самом деле, первые мож-

но рассматривать как налог, направляемый целевым образом на выплату пенсий.

С точки зрения перспективы вопрос в том, захотят ли творцы экономической политики превратить Пенсионный фонд в институт, зарабатывающий деньги на имеющихся у него ресурсах. Если «да», то его самостоятельное существование имеет смысл.

Следует заметить также, что неверно считать, что страны, вне зависимости от структуры экономики и, соответственно, структуры бюджетных доходов, обязаны иметь схожие пенсионные системы, опирающиеся на одинаковые принципы – например, на принцип солидарной ответственности поколений. Во всяком случае, страны, в которых, как в России, велика доля отраслей, с которых государством получается доход собственника, рентный доход, могут использовать часть этих доходов для формирования относительно стабильной (с поправкой на экономический цикл) доходной базы Пенсионного фонда. Вопрос, разумеется, носит количественный характер, но, во всяком случае, часть доходов Пенсионного фонда может формироваться указанным образом, не имея привязки к страховым взносам на обязательное пенсионное страхование или же не будучи связанной с финансовыми рынками.

Стратегически было бы разумно, предусматривая разработку шельфовых месторождений, рассмотреть возможность их перевода на режим соглашений о разделе продукции (СРП), который в его российской версии предполагал бы восстановление роялти. Часть этого рентного платежа (допустим в 20%) могла бы идти в Пенсионный фонд. Часть от доли государства по разделу продукции, также имеющая

отчасти рентную природу, также могла бы перечисляться Пенсионному фонду. И подобный порядок перечисления будущих доходов может быть закреплён законодательно. Другим важным решением мог бы послужить подход, в рамках которого при будущей приватизации «Газпрома» и «Роснефти» больше 25% компаний были бы переданы Пенсионному фонду. Соответственно, фонд получил бы возможность получать дивиденды. И то, и другое предложения направлены на то, чтобы постараться найти решение, не связанное с ростом налогов на работников и предпринимателей.

Кроме того, с политической точки зрения такое решение было бы для нашей страны, где власти и бюджеты, которыми они распоряжаются, традиционно оторваны от граждан, выигрышно, т. к. граждане ясно видели бы, что часть рентных поступлений прямо переводится в пенсионные доходы.

Блог в Live Journal alexs_melnikov, 24 мая 2012 года

Объявленная приватизация государственной собственности говорит об идеологическом крахе путинской экономики. Главным обоснованием появления во главе государства в начале нулевых бывших чекистов выступал «возврат государства в экономику», означавший опору на госкомпании. Теперь этому оригинальному явлению российского капитализма с суверенным лицом его собственными творцами вынесен смертный приговор.

Взамен предложить нечего. Поиски ведутся не в области решительного поворота к частной предпринимательской инициативе и защите прав трудящихся, не в соответствующей законодательной реформе, не в направлении создания современного динамичного социального государства с приоритетом инвестиций в образование. На смену горячке госкомпаний постепенно пришла фондомания с неперменным государственным участием – фондов «инновационного развития», «прямых инвестиций», «перспективных исследований». Не забыты и старые, добрые прямые вливания из бюджета. Направление перемен задано узкими рамками существующего политико-экономического режима – командные высоты в экономике должны остаться в руках класса бизнес-чиновников.

Подобно тому как в политике путинская модель окончательно выродилась во власть ради власти, в экономике она превратилась в почти неприкрытый контроль ради взятки. Или же, мягче выражаясь, ради системной коррупции, при

которой экономика выступает как территория, захваченная и управляемая по праву сильного. Что-то принадлежит «государству» напрямую, другое «кассирам», третье связано условными владениями, четвертое в нужный момент может быть приведено к покорности опричными отрядами.

Какими декларациями обосновывается эта реальность, какую роль здесь играет антиамериканизм и, шире, антизападничество, для сути дела значения не имеет. Но все же, говоря об идеологии, стоит заметить, что поворот в сторону от госкомпаний находится в разительном противоречии с другой идеологемой властвующей элиты. А именно утверждением о невероятных успехах, которых бензиновое государство добилось за 13 лет благодаря новациям путинской экономики. «Жить стало легче, жить стало веселее», – радостно повторяют вслед за Сталиным вожди российской бюрократии. По этому поводу Троцкий в свое время остроумно заметил из эмиграции: «Трудящимся массам жить стало действительно немножко легче. Бюрократии жить стало значительно веселее».

Нельзя сказать, что идеологический поворот в сторону отказа от госкомпаний пройдет бесследно для тех, кто пассивно поддерживает существующий порядок. Вероятно, он внесет смущение в их умы. Классик политической науки Гаттано Моска, рассуждая о политическом классе, в качестве «моральной основы власти руководителей» называл «политическую формулу», т. е. их «доктрины и верования». Он отмечал необходимость соответствия политической формулы «степени интеллектуальной зрелости, чувствам и верованиям, преимущественно разделяемым данным народом в данное время». Вот теперь и придется правящему классу

объяснять всем тем, кто поддерживал в середине «нулевых» разгром ЮКОСа, с одобрением принимал заявления о том, что нельзя допускать «амеров» и «бритов» к разработке российских недр, положительно относился к увеличению числа госкомпаний, «смену вех», резкий поворот в противоположную сторону.

Между тем суть сегодняшних перемен не в том, что правящий класс заботится об общественном благе, понимаемом как выраженная на свободных выборах воля граждан. Такой заботы эти власти не знают, потому что не знают честных выборов и, соответственно, своей зависимости от избирателей.

Главный интерес российского правящего класса – собственный материальный интерес, а исполнение общественных функций – это приложение, обязательное, но скучное и неинтересное, вроде «кильки в томате» в советском продовольственном наборе, дополнением к дефицитной черной икре.

Поэтому и лихорадка насаждения госкомпаний, и их легальное прилипание к тем же рукам только таким интересом и вызывается.

Верхушка сегодняшнего правящего класса, неудачники 90-х, поработав больше десяти лет во власти, через сегодняшнюю приватизацию реализуют свое главное желание – стать легальными собственниками и в этом качестве гражданами мира. Это уже не сталинская или брежневская бюрократия, привязанная к своей стране, замкнутая в национальных границах. Это, хотя и связанное исторически с первым, столь же безыдейное, но иное явление – восхищенное бытовым устройством западного мира, его потребительскими возможностями. Кстати, стать легальными

собственниками – не то же, что стать собственниками, всем известными. Достаточно, чтобы для, допустим, британской юстиции, эти граждане были (в случае необходимости) «чисты перед законом». Объявлять же собственному благодарному за нефть и газ в недрах и Солнце над головой населению о том, что стал миллиардером, не нужно: большие деньги любят тишину.

При этом не нужно искать противоречия в том, что властная элита готова отдать часть контролируемых ею «госкомпаний» западным корпорациям или российскому крупному бизнесу. Это неизбежность, т. к. бизнесом должны управлять не «эффективные менеджеры», а просто менеджеры.

Ничего иного, кроме как быть рантье, российская властная бюрократия не умеет.

Можно приветствовать завершение карнавала, снятие масок, перевод частной собственности в открытую форму. Но при этом разумно задуматься о том, что гарантирована она будет только в том случае, если сегодняшнее российское государство сохранит свою политическую форму, а частные собственники – свое влияние во власти. Следовательно, подобная «приватизация» вовсе не приближает российское общество к той модели политического устройства, в рамках которой живет западный мир, не означает шага к правовому государству. Исторически это продолжение «залоговых аукционов» 90-х. В более общем плане это принципиальный отказ от вхождения России в семью западных либеральных демократий.

Это скорее поиск новой формы периферийности, сосуществования с западным миром путем допуска его компаний к разработке российских ресурсов и сохранения своей част-

ной власти путем сопутствующей милитаризации страны и укрепления полицейского государства.

В поиске подобной подходящей для дальнейшего прозябания страны модели и заключается главный смысл сегодняшней «приватизации», современный беспокойный квест путинской экономики.

Газета.ру, 9 июня 2012 года

IN MEMORIAM

Ия Саввина

*«...северная ветка, ветка акации или,
скажем, сирени, цветет белыми цветами...»*

Саша Соколов, «Школа для дураков»

Ия была как ветка ивы, склоненная над русским прудом. Прекрасная и летом, и осенью. Парящая над водой, гибкая, послушная ветерку то жаркому, то прохладному. Изменчивая так же, как водяная рябь, готовая то идти быстрым шагом, то, спотыкаясь, прихрамывать детским корабликом из сосновой коры к желанному берегу.

Ия – словно таинственная изломанная линия, загадочная в своих поворотах и углубленном движении. Непонятная теперь совсем нешкольная геометрия, затерявшаяся в чуждом потребительскому настоящему бесконечном прошлом.

Но было в ней и что-то весеннее, светлое, простое, есенинское. Образ ее подобен светлолицей русской березе, просветленному уходящему вдаль березовому лесу. И эта присущая нашим просторам беспечность в нимбом, парящих над ее головой растрепавшихся светлых волосах.

Образ Ии глубоко созвучен русской природе, а значит, и душе русского человека. Она не умерла, она растворилась в наших полях и светлых лесах. Они глядят на нас ее глазами и волнуют ее улыбкой.

Блог в Live Journal [aleks_melnikov](#), 29 августа 2011 года

ПОТЕРТЫЙ ПЛАЩ И КУКОЛКА, СТАВШАЯ БАБОЧКОЙ

«Коломбо – это такой детектив, – отвечает на мой вопрос в далеких 70-х годах отец, – прикидывается дурачком, недалеким полицейским, но всегда распутывает дела». Так и вошел в мою жизнь прищуренный взгляд из-под густых бровей, нелепые движения рук и ног, да поношенный плащ, увенчанный щеткой взъерошенных волос.

Настолько Коломбо был живой, что не приходило в голову узнать, как зовут этого актера. и когда изредка видел Питера Фалька в других фильмах, невольной мыслью было: «Что здесь делает Коломбо?!».

Первая трещина, отделившая для меня Коломбо от Питера Фалька, пролегла после фильма Вима Вендерса *Wings of Desire* («Небо над Берлином»). Явился новый человек, давно знакомый и располагающий к себе, но с каким-то другим стержнем, неторопливыми движениями, в строгой черно-белой рамке текущих кадров. Словно бы фотография, с которой свыкся и на которую любишь смотреть в минуты раздумий.

Потом пришло увлечение фильмами Джона Кассаветиса. и здесь открыл совсем другого Питера Фалька. Он вошел в дом из начала 70-х, из той старой и по-детски любимой и восхищающей Америки, словно бы с холодной нью-йоркской улицы, с раскрасневшимся веселым лицом и поднятым воротником черного пальто. Прошлой скуповатой сдержанности был лишен напрочь.

Питера Фалька больше нет на земле. Но еще долго будут смотреть его фильмы. в сердцах многих найдется для него теплый уголок. Для его потертого плаща и распахнувшегося в мир крыльями бабочки большого таланта.

Блог в Live Journal [aleks_melnikov](#), 25 июня 2011 года

«ШАНТРАПА» ИОСЕЛИАНИ

Мир, сплетенный из звуков виолончели, детской разногласицы, сделанных из досок икон, девочки с оторванным белым воротником на школьной форме, стуков железнодорожных цистерн, построенных в затылок и волной обтекающих повороты. Дома в трещинах, уютные подвалы и тепло взрослых, старые фотографии на стенах и таящиеся по углам детских комнат таинственные сумерки. Они будто бы недоступны, раздвигают пространство до размеров квартиры, в которой Воланд давал бал.

А вот, между прочим, и его воплощение – герой Богдана Ступки развязно, по-коровьевски, закидывает ногу на ногу и, придвинувшись к собеседнику, спрашивает, как тот относится к марксизму. И все это живет в запахах кахетинского вина и водки, обнято скрипом стульев и паркета, да забытым уже в жизни шелканьем пишущей машинки.

В «Шантрапе» словно бы погружаешься в этот теплый мир и хочешь там остаться. Речь плавно перетекает из грузинской во французскую, а оттуда в русскую, усиливая объемность, выпуклость картины. И даже последующий уход детских образов в прошлое, вторгаясь угловатость, строгость и рациональность жизни не позволяет забыть чувства подлинности бытия. Тем более, что режиссер, словно прислушиваясь, будто бы жалея зрителей, вновь и вновь позволяет проступить ему на скатерти экрана.

И как бы для того, чтобы не покрыть лаком этих дорогих воспоминаний, не затаскать их, не омертвить, русалка забирает героя фильма, вернувшегося на родину. Забирает у настоящего и возвращает его к себе. Не в его прошлое, а к той подлинности движения, которая не ведает бывшего, едва касается настоящего и видит лишь холодящую восторгом сердца раскрывающуюся даль.

Блог в Live Journal aleks_melnikov, 25 мая 2011 года

Слишком длинно. Просто Людмила Гурченко. Имя и фамилия как титул. По ту сторону уважения, восхищения, наслаждения и уж тем более признания. Через все это давно перешагнула. Превратившись в члена семьи для сотен миллионов. Став тем же, что и образы счастливого детства. Поэтому ее нельзя потерять сегодня, она будет уходить только вместе с нами, с теми, для кого время «Соломенной шляпки» – родина.

Пока же и еще надолго она – часть нас. Расцветут экраны телевизоров вчерашними красками, зашелестят серпантинами карнавалы, побегут по экрану поезда, возвращая нас к самим себе. Она будто стоит у окна вполоборота, с тщательной прической, вишней кипящими губами-вампями, припрятанной улыбкой.

Мы же смотрим на солнечный свет, порхающий желтым пухом мимозы в ее глазах, и мчимся, взявшись за руки, под стук колес из застывшей от смертельного холода Москвы к звящей весне, погружаясь в теплую и благодарную реку времени.

Блог на «Эхо Москвы», 31 марта 2011 года

754 год до нашей эры. 21 апреля. Палатинский холм. Сияет солнце. Небо по-весеннему вымытое, чистое. Молодые облака царственно плывут над головой. Ромул, Рем, их товарищи-разбойники, «загорелые, оборванные и серьезные» вырыли яму, бросили в нее по горсти земли из своих родных мест и «начатки плодов земных». Затем взяли плуг и провели границу города. Так был основан Рим.

Семь царей. Изгнание Тарквиния Гордого. Как благородно, словно высеченная из камня, звучит латынь – Lucius Tarquinius Superbus. Республика. Черета ярких образов, под стать латинскому языку. Вырублены в толще истории навечно, присыпаны горячим пеплом легенд. Какими же мелкими кажутся люди в сегодняшнем российском политическом классе. Река истории обмелела.

Вот консул Валерий, прозванный народом Publicola, Народолобец. Имя говорит само за себя. Рассказывают, что у Валерия стоял дом в центре Рима, больше, чем у царя. Республика была молода, царей только что изгнали. Люди были недовольны. Тогда Валерий ночью снес свой дом и жил у друзей до тех пор, пока народ не выстроил ему новый. Можно ли представить такое в современной России? У нас ведь народ с политиками из другого материала исполнен.

Римская простота нравов. Цинциннат (Lucius Quinctius Cincinnatus) был знатным патрицием, бывшим консулом, имевшим всем своим имуществом кусок земли, который он

обрабатывал своими руками. Когда над Римом нависла военная опасность, сенат назначил его диктатором. Посланника он встретил в поле, за сохой. Выслушав весть, позвал жену, приказал подать ему сенаторскую тогу. Прошло десять дней, за которые Цинциннат разбил врага, отпраздновал триумф и вернулся обратно к своему полю.

А вот Брут Капитолийский, Lucius Junius Brutus, бесстрастный консул, взиравший на смерть своих детей, казненных за заговор против Римской Республики. Можно ли вообразить у сегодняшних российских политиков служение общему делу в ущерб делам семейным?

Есть во всех этих историях первозданная подлинность и простота. То, что потеряно навечно и никогда уже не повторится в наше издерганное, усложненное время. Но есть здесь и сладость единожды бывшего, тихий свет навечно ушедшего. Осталась память. Весенний день 21 апреля. Далекая страна. Залитые солнцем холмы. Рождающийся город.

Блог в Live Journal alexs_melnikov, 21 апреля 2011 года

Мы бредем во сне по московским улицам детства, располневшим от жары, прикрытым тенью молчащих деревьев. Ветер, соскользнув с листвы, просеивает наши волосы, разбрызгивая под мягко ступающими ногами солнечные пятнышки.

Он доносит жар и запах пылающего асфальта: «Сюда, ко мне. Я приму вас в африканскую пустыню. Присядьте на колени, потрите мои раскаленные серые чешуйки, прислоните ладони к щекам. Я – ящер, прикрывший черно-серым панцирем безразличную ко всему истоптанную городскую землю». Мы делаем то, о чем нас просят, долго сидим, вбирая ток тепла. Наконец, медленно поднимаемся, породненные с ожившим асфальтом и, наслаждаясь, погружаем горящие ботинки с сопящими шнурками в это марево, несущее нас мимо разбросанной стройки справа и равнодушного забора слева вперед и вперед по молчащим улицам. Ящер везет нас на хребте, осторожно поводя по впадающим переулкам прикрытыми каменными веками глазами.

Но все тихо, машины разъехались по давно закрытым, потерявшимся во времени учреждениям и заводам. Со строгими вывесками у лестниц, зелеными цифрами электронных часов в вестибюльной прохладе, потертыми деревянными столами вахтеров и сердито стучающими на первом этаже металлическими лифтами, непременно с пружинящим лязгом под ногами, впускающими нас в покрытое серо-покрашенной сеткой недоверчивое нутро. Кто не проводил

рукой по ее пыльным ребрам, остановившись на верхнем этаже и разбросав по краям разболтанные дверцы?

Вздвигнув, мы быстро сбегает вниз не остывшими еще ногами по холоду каменных ступеней, и коричневые перила, словно победные векторы на черной классной доске, стремительно ведут нас от пролета к пролету, выталкивая, наконец, во взорвавшийся светом и жаром солнечный пузырь перед входом. Серый друг под ногами словно принохивается, замер и не двигается. Ждет, пока мы согреемся, оглушенные зимним холодом, спрятавшись в глубинах каменных зданий, шевелящим в подвалах ледяными щупальцами спрута.

И снова неторопливый караванный ход на спине живого существа, мерный и сродненный с бесчисленными караванами, бредущими по владениям Тимура. Времена перепутались, переплелись разноцветными нитями азиатского ковра, и удивленный взгляд видит то плывущих в пустыне верблюдов, то горящие на Солнце сахарные мраморы покинутого сиракузского театра.

Ящер тихо упирается носом в причал белой стены. Это школа. Двери заперты. Стекла равнодушно блестят. Внутри ни звука. Не войти. Садимся на ступенях. Спиной к зданию. у ног моргает родное серое существо. Голова у нас на коленях. Глаза прикрыты. Мы греемся его теплом, не знающей возвращения в прошлое летней дорогой.

Блог в Live Journal Aleks_melnikov, 4 июля 2011 года

По ночам Москва стынет уже в хладном, прозрачном воздухе. Город кристален, выточен из камня. Огни ярко и ясно светят сквозь его узорчатую оболочку. Зеленые еще деревья словно замерли в недоумении. Вверху ступившееся небо с вымытыми дождями пузатыми наволочками облаков и оторванными перламутровыми пуговицами звезд.

Чем дальше от детства, тем глуше это очарование сентября, возвращения в школу, встречи с друзьями, запаха новых учебников, жадного разглядывания картинок. Это настроение дневное и прекрасное, когда, вернувшись с моря, смотришь на подросших, чуть изменившихся сверстников, и вдруг станет тепло и светло от свежести сентябрьских лохматых цветов и проснувшегося братства. Линейка, музыка, класс. Первый день. Ничего не задано. Стайка воробьев скачивается по лестнице и, вертя стриженными головами, с беспечным наслаждением мчит играть в футбол. Впереди не час и не два – бесконечность!

Но и ночной город стал другим, потерял детскую раскидистую леность пустырей, заборов и заветных, заросших травой углов, отгороженных от посторонних грозно блестящими в свете Луны нитками железных дорог. Там можно было развести костер, притащить какие-нибудь шершавые, занозистые ящики, деревяшки от старых диванов. Отыскать брошенный аккумулятор и, вытащив из него свинец, плавить его в консервной банке с крышкой, завернутой за длинную

палку. Пропахшая костром одежда в большом городе, среди сердитого стука летящих трамваев, отливающая серебром горячая вода свинца, игра в индейцев среди деревьев, прорезанных светом ждущих окон домов, с горячим ужином на столе и добрыми родительскими руками.

Хорошо сегодня, в летней рубашке с коротким рукавом, возвращаться сентябрьской ночью домой, среди заповедной еще, тихой Москвы пятиэтажек, заросших деревьями дворов и вспоминать уходящую, бесформенную, безалаберную и милую Москву детства. Прошедшее будто бы проступает из мрака, и кажется, вот сейчас, раздвинув ветки, увидишь горящий костер, выхваченные из ночи лица детей, увлеченных переливами танцующего огня.

Время беспокойно ходит вокруг них волками с фосфорическими глазами, с отливающей осенним холодком шерстью, словно рябящей под ветром водой из почерневшего пруда. И вот ты уже там, у костра, уютно откинув голову на руку, смотришь на дрогнувшие вдали ветки, гонишь от себя секундную блажь непонятной взрослой жизни и стряхиваешь с горящей головешки шевелюру седого пепла.

Блог в Live Journal alexs_melnikov, 4 сентября 2011 года

Мне 7 лет. Первый класс. «Папа, а кто лучший певец, Гуляев или Хиль?». Спрашиваю, потому что очень нравятся оба. Но должен же кто-то быть первым!

Черно-белый телевизор, радио или проигрыватель с потрескивающей пластинкой. На экране, на обложке, в памяти – Эдуард Хиль. Рубашка с большим, остро-узким, падающим вниз треугольным воротником, стянутым у талии большим узлом цветного галстука. Ряды надутых значительностью, пузатых золотых пуговиц со сдвинутыми на нос солидными очками, усевшиеся на рукавах ладного, строгого пиджака. Они, как золотые фанфары, сопровождают движения рук и голос своего повелителя. Ревниво глядят на бегущие вперед, из рукавов к зрительному залу крахмальные струны белой рубашки. Вдруг, – темнота. Остановка. Дальше обрыв сцены в окаменевшие ряды дядек-тетек – причесок, лиц, движений.

Между ними вперед-назад, вверх-вниз, влево-вправо, на грани и в отдалении-приближении скользит в подвижном воздухе микрофон. Разбуженные волшебством музыканты оживают, сцена откашливается и довольно светлеет залившим ее светом. Поднимается холодноватый, геометрический вихрь из движений, голоса, смеющихся глаз, белозубой улыбки таланта, властителя всех, кто смотрит на него. Живет с ним, двигается с ним, поет с ним. Мир глохнет, слепнет, замирает во взгляде на него – Эдуарда Хиля. Его имя и фа-

милля сейчас уже неважны, они отстали, отброшены куда-то поселившимся в твоей душе теплым существом.

Настоящее не более реально, чем прошлое, потому что оно тоже станет прошлым. И как бы не лезло оно в глаза своей новизной, красками, материальностью, не верьте. Времени нет. Есть вечность. Твердо, навсегда взяв тебя за руку в детстве ладонь отца, ласковый взгляд матери, сказки бабушки. Голоса и музыка. Услышанные тогда. Оставшиеся с вами. Создавшие вас.

Блог в Live Journal Aleks_melnikov, 4 июня 2012 года

А.Ю. Мельников
Их звездный час

Редактор Ю.А. Здоровов
Дизайн, макет, верстка О.Б. Филиппова
Фотографии А. Виноградова, Г. Иващенко

Подписано к печати 13.08.2012
Формат 70x108/32
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Усл. печ. л. 4,3

Издание отпечатано в типографии
ООО "Галлея-Принт"
Москва, 5-я Кабельная ул. 2 б